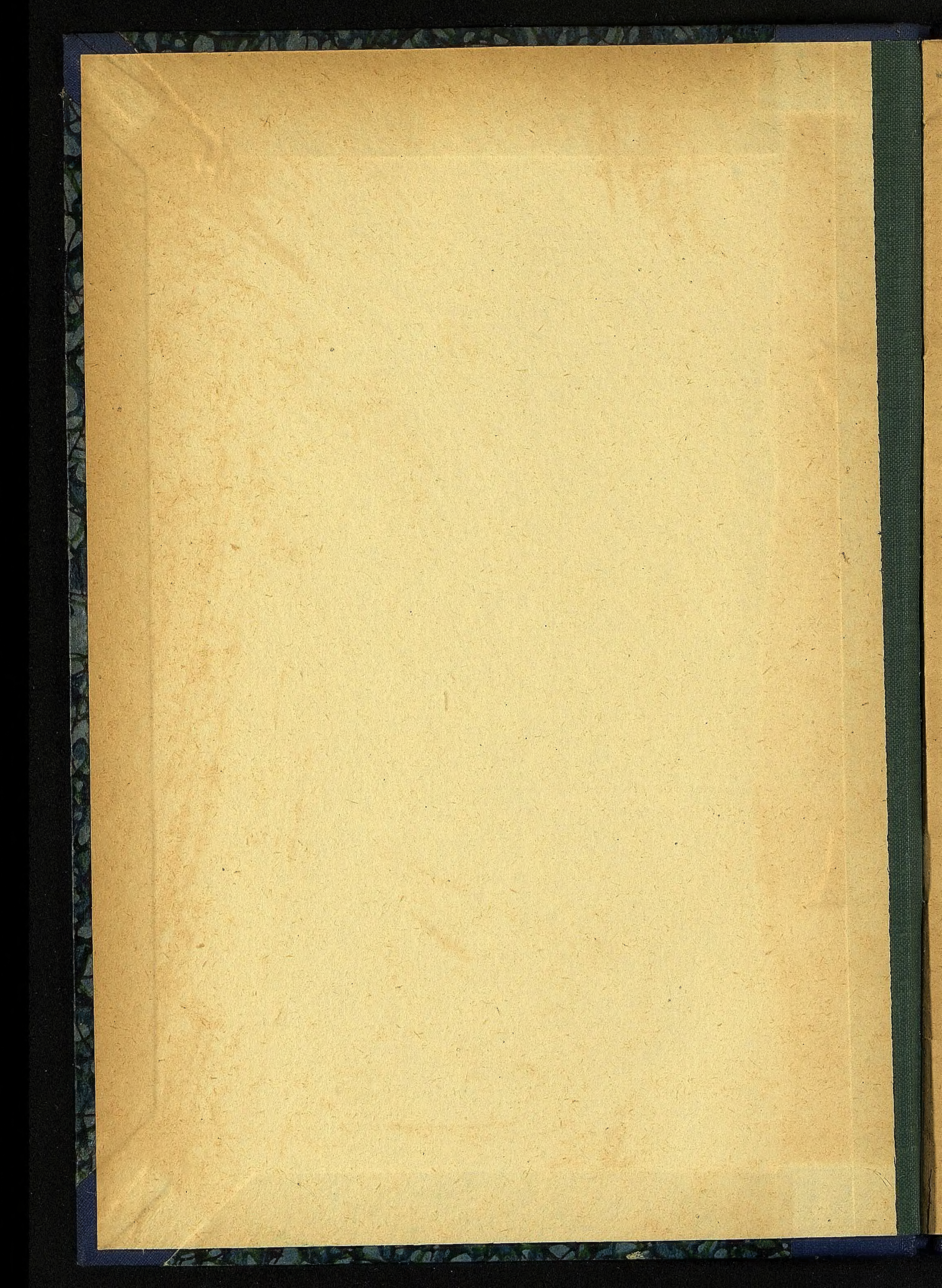
П. Е. КАЗАНСКІЙ,

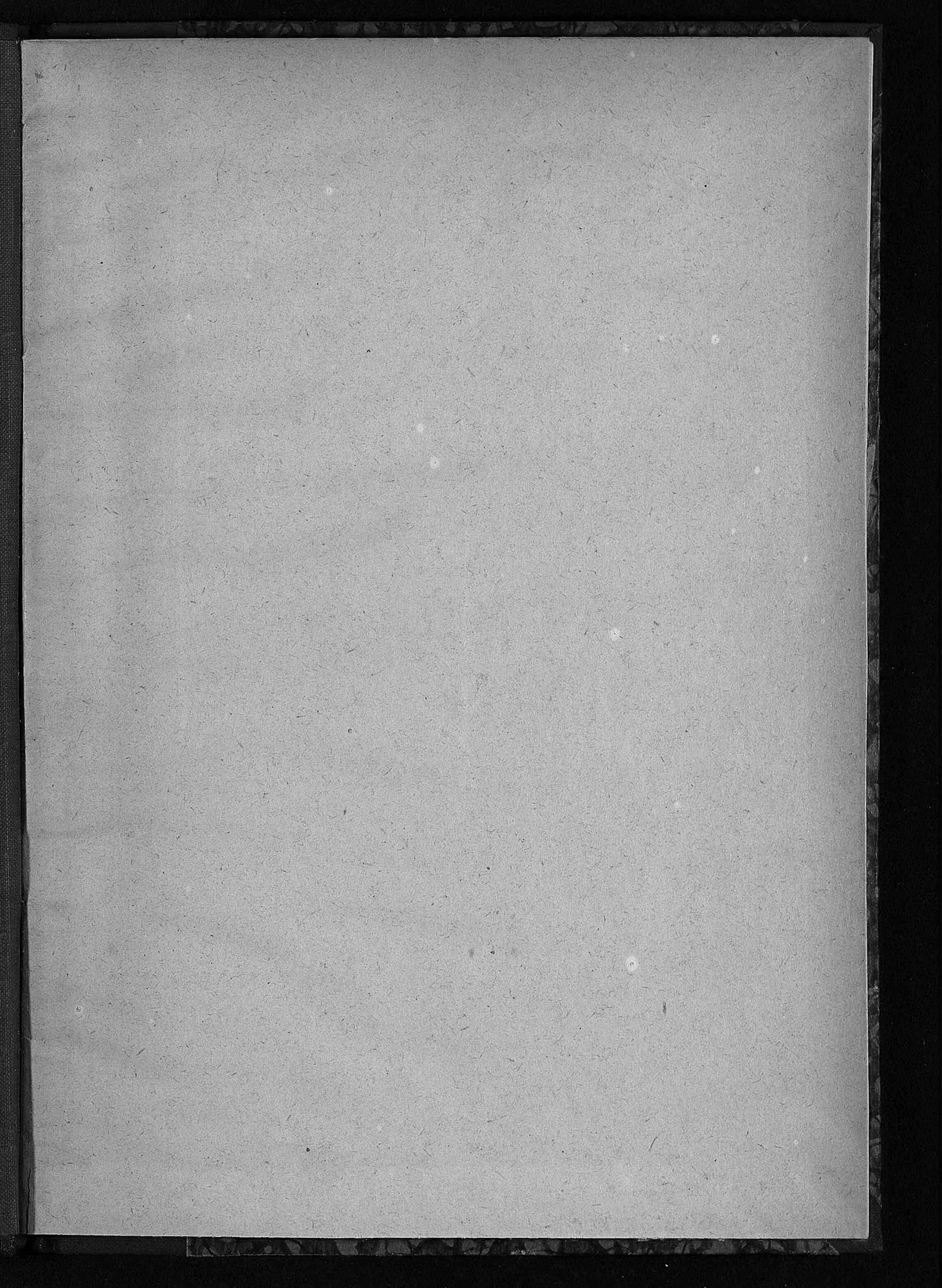
предсѣдатель Одесскаго Отдѣленія Галицко-Русскаго Благотворительнаго Общества.

РУССКІЙ ЯЗЫКЪ ВЪ АВСТРО-ВЕНГРІИ

ОДЕССА.
Типографія „Техникъ", Екатерининская, 58.
1912.

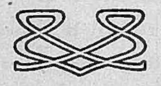

П. Е. КАЗАНСКІЙ,

предсѣдатель Одесскаго Отдѣленія Галицко-Русскаго Благотворительнаго Общества.

РУССКІЙ ЯЗЫКЪ
ВЪ
АВСТРО-ВЕНГРІИ

ОДЕССА.
Типографія „Техникъ“, Екатерининская, 58.
1912.

Отдѣльный оттискъ изъ VII Записокъ выпуска Юридическаго Факультета Императорскаго Новороссійскаго Университета.

За послѣдніе годы съ разныхъ сторонъ выдвигаютъ *вопросъ о государственномъ, національномъ и международномъ значеніи русскаго языка.* Ставится и рѣшается этотъ вопросъ и нашими друзьями, и нашими недругами, и послѣдними, кажется, чаще, чѣмъ первыми. Вокругъ него кипитъ ожесточенный бой, а мы, русскіе, которые, казалось бы, являемся въ этомъ дѣлѣ наиболѣе заинтересованными, остаемся, въ массѣ, лишь зрителями происходящаго, причемъ нерѣдко зрителями хладнокровными и даже невнимательными, между тѣмъ, гдѣ-гдѣ, а ужъ въ этомъ вопросѣ русскому обществу, всему народу русскому, слѣдовало бы смѣть свое сужденіе имѣть и рѣшительно заявлять свою державную волю [1]).

Надо почаще вспоминать, что и въ самомъ справедливомъ дѣлѣ, какъ, положимъ, *защита народнаго языка,* самое могущественное правительство въ мірѣ можетъ разсчитывать на успѣхъ своихъ начинаній, направленныхъ къ общему благу, только опираясь на національное самосо-

---

[1]) Вопросъ о русскомъ языкѣ въ Австро-Венгріи былъ предметомъ моихъ докладовъ на торжественномъ собраніи Галицко-Русскаго Благотворительнаго Общества въ Петербургѣ—21 дек. 1911 г. и въ общемъ собраніи одесскаго отдѣла общества—12 дек. 1911 г.

знаніе народа, только въ такомъ случаѣ, если дѣятельность его будетъ поддержана самодѣятельностью общества.

Русскій языкъ—одно изъ главныхъ нашихъ народныхъ сокровищъ, одинъ изъ *краеугольныхъ камней нашего историческаго бытія*, великое тысячелѣтіями выработанное орудіе, которымъ русскій народъ пролагаетъ для себя и для тѣхъ, кто идетъ за нимъ,—широкую дорогу въ исторіи человѣчества. „Языкъ“, говоритъ талантливый писатель галичанинъ Ю. Яворскій [1]), „это—та благодатная искра Божья, которую, какъ самое священное и благоцѣнное достояніе, вынесъ народъ изъ сѣдаго хаоса бытія, та живая нерукотворная риза его, которая одухотворяетъ, окрыляетъ, озаряетъ народную жизнь“. „Изъ таинственныхъ нѣдръ вѣковъ, изъ творческаго хаоса туманной прародины своей вынесло русское племя этотъ чудесный, животворящій талисманъ — великій и чудный языкъ русскій. Вынесло, берегло, холило его. Сберегло отъ внутренняго оскудѣнія и растлѣнія, которыя подкрадывались къ нему не разъ, отстояло отъ бархатныхъ лапъ коварныхъ друзей, отъ жестокихъ когтей хищныхъ вороговъ, столько разъ протягивавшихся за нимъ. Напоило его живою кровью своего сердца и освятило духомъ богатырскимъ своимъ, своею великою любовью и безконечною тоскою. Нагрѣло его горячей жизнерадостной нѣгою своего благословеннаго юга, заронило въ него глубокую скорбь и вдумчивость угрюмаго сѣвера своего“.

Русскій языкъ былъ всегда языкомъ политически развитаго народа, *языкомъ государственнымъ*. Двигаясь впередъ вмѣстѣ съ русскимъ государствомъ и народомъ, языкъ этотъ представляетъ собой теперь одинъ изъ міровыхъ языковъ. Русская рѣчь звучитъ на пространствѣ пятой части земнаго шара. По-русски говорятъ 150 милліоновъ людей. Въ русскомъ языкѣ—наше прошлое и настоящее, и Русь богатырская, и Святая Русь, во весь свой ростъ великій народъ нашъ: въ немъ вѣра отеческая и мудрость народная, русская правда и русская мощь.

По богатству звуковъ нашего языка, по громадному запасу словъ и выраженій, по разнообразію формъ, по силѣ

[1]) Живая Мысль, 1902.

и красотѣ рѣчи *нѣтъ ему равнаго среди другихъ языковъ*, а по богатству художественныхъ и народныхъ, религіозныхъ и научныхъ произведеній, созданныхъ на русскомъ языкѣ, ни одинъ изъ живыхъ языковъ не превосходитъ его. Не даромъ такой художникъ русскаго слова, какъ И. С. Тургеневъ, въ лучшемъ своемъ стихотвореніи въ прозѣ, восклицалъ: „Въ дни сомнѣній, въ дни тяжелыхъ размышленій о судьбахъ моей родины,—ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о могучій, правдивый и великій русскій языкъ!.. Нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу“ [1]).

И вотъ, въ настоящее время нашъ языкъ сдѣлался предметомъ ожесточенныхъ покушеній со стороны, быть можетъ, ничтожныхъ, но многочисленныхъ и объединенныхъ враговъ, и ему, великому, приходится защищаться. Утверждаютъ, что онъ не имѣетъ права на то значеніе, которое онъ получилъ въ общественныхъ отношеніяхъ нашего времени. Пытаются расколоть его на нѣсколько частей, *сбросить съ міродержавной высоты*, на которую онъ поднялся. оттѣснить во второй разрядъ языковъ. Покажемъ же въ слѣдующихъ строкахъ, что жалкія утвержденія эти лишены всякаго основанія и что русскій языкъ имѣетъ право не только на свое современное значеніе, но и на большее и высшее.

Одинъ изъ главныхъ фокусовъ *борьбы противъ русскаго языка и за него* находится въ настоящее время *въ Австріи*. На положеніи русскаго языка въ этомъ государствѣ мы и остановимся.

---

[1]) Вообще, трогательно и поучительно читать, какъ именно величайшіе представители русскаго народа были восторженными поклонниками русскаго языка. Приведу слова еще одного—Ломоносова (Россійская грамматика. 1755. С. 3.): „Повелитель многихъ языковъ, языкъ россійскій не токмо обширностью мѣстъ, гдѣ онъ господствуетъ, но купно и собственнымъ своимъ пространствомъ и довольствіемъ великъ передъ всѣми въ Европѣ“. „Карлъ пятый, римскій императоръ, говаривалъ, что испанскимъ языкомъ съ Богомъ, французскимъ съ друзьями, нѣмецкимъ съ непріятельми, итальянскимъ съ женскимъ поломъ говорить прилично. Но есть-ли бы онъ россійскому языку былъ искусенъ, то, конечно, къ тому присовокупилъ бы, что имъ *со всѣми оными говорить пристойно*. Ибо нашелъ бы въ немъ великолѣпіе ишпанскаго, живость французскаго, крѣпость нѣмецкаго, нѣжность итальянскаго, сверхъ того богатство и сильную въ изображеніяхъ краткость греческаго и латинскаго языка“.

Въ Австріи въ двухъ провинціяхъ ея: въ Галиціи и въ Буковинѣ, а также въ части Венгріи, въ Угорской Руси, живетъ болѣе 4 милліоновъ русскихъ, именно малороссовъ. До послѣдняго времени русскіе имперскіе *мало интересовались тѣмъ, что дѣлается въ этихъ исконно русскихъ областяхъ.* Объясненіе можно найти только въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ еще недавно жила Россія: пониженное національное самосознаніе, отсутствіе общественной самодѣятельности, бюрократическое, проникнутое космополитическими тенденціями, управленіе страной, вотъ оправданіе передъ зарубежными братьями нашего забвенія къ нимъ. Забвенію этому усердно содѣйствовала какъ русская, такъ и иностранная печать. Все это отзывалось самымъ тяжелымъ образомъ на положеніи австрійскихъ русскихъ.

„До послѣдняго времени", говоритъ графъ В. А. Бобринскій, „польская и еврейская пресса все замалчивала, а потому польско-іезуитскіе насильники нагло продолжали свою отвратительную работу въ увѣренности, что всѣ ихъ преступленія останутся замолченными, что все это сойдетъ имъ безнаказанно. Но, слава Богу, времена измѣнились, и измѣнились они къ лучшему для угнетенныхъ. Въ Россіи, на ряду съ инородческимъ націонализмомъ, появилось и русское народное сознаніе, которое съ каждымъ днемъ ширится, крѣпнетъ, и не только среди тѣхъ, которыхъ поляки называютъ „москалями", нѣтъ: въ смыслѣ русскаго націонализма малороссы и бѣлоруссы далеко опередили Москву. И теперь всѣ мы, русскіе, какъ въ Кіевѣ, Холмѣ, Минскѣ, такъ и въ Москвѣ и Петербургѣ, по всей землѣ русской, внимательно и сердечно присматриваемся и чутко слѣдимъ за тѣмъ, что творятъ поляки надъ нашими братьями въ Галичинѣ. Объ этомъ заговорила наша честная пресса, а за ней вскорѣ заговоритъ и пресса европейская, да она уже начала отзываться" [1]).

Дѣйствительно, свѣдѣнія, доходящія къ намъ за по-

---

[1]) О томъ же краснорѣчиво писалъ уже М. Погодинъ (Собраніе статей и пр. Москва. 1878. Стр. 17. Къ галицкимъ братьямъ.): „Пятьсотъ лѣтъ страдали, мучились и стонали, тлѣя на тихомъ огнѣ, Галичане наши родные братья, подъ игомъ враждебныхъ племенъ, враждебныхъ религій, враждебныхъ языковъ. Они должны были *скрывать тщательно*

слѣднее время изъ Австріи, являются прямымъ откровеніемъ для большей части русскаго общества, и откровеніемъ чернымъ. Въ новѣйшихъ сообщеніяхъ русскихъ газетъ о галицкихъ дѣлахъ развернулась такая картина положенія русскихъ въ Галиціи, что самые невозмутимыя сердца содрогнулись. Оказалось, *для русскихъ людей* создано въ Австро-Венгріи *положеніе внѣ закона.* Болѣе четырехъ милліоновъ русскихъ задыхается въ тяжкой еврейско-польско-нѣмецкой неволѣ, и даже стонъ ихъ рѣдко доходитъ до насъ, ихъ свободныхъ братьевъ въ державной Руси. По отношенію къ нимъ австрійское управленіе Галиціи ведетъ политику, которую можно назвать только истребительной. Не прибѣгая, или, вѣрнѣе, лишь изрѣдка прибѣгая нынѣ къ мѣрамъ чисто внѣшняго, физическаго воздѣйствія, которыя были въ ходу раньше, австрійское управленіе беретъ ихъ изморомъ, подвергаетъ медленному истребленію, духовно разлагаетъ и экономически убиваетъ цѣлую вѣтвь русскаго народа.

При этомъ всѣ средства считаются хорошими: *насиліе и обманъ, духовное растлѣніе народа и экономическое разореніе, фальшивые документы и лжесвидѣтели, подлоги, подкупы и доносы, оффиціальная ложь и поддѣлка общественнаго мнѣнія,* все, чѣмъ давно славится австрійская политика, австрійская администрація и австрійскій судъ [1]).

Гоненія на русскихъ особенно усилились съ 80-хъ годовъ, съ начала же 90-хъ въ ряды гонителей русскаго дѣла стала также группа русскихъ измѣнниковъ, о которыхъ

свое происхожденіе, они должны были отпираться отъ своего родства, они должны были искажать свое имя, все страха ради іудейска.

„Но исполнилась наконецъ мѣра ихъ долготерпѣнія.

„Подъ ножами, подъ пулями, среди всѣхъ сатанинскихъ козней, не смотря ни на какія опасности, грозящія имъ гибелью, прерывистымъ, истомленнымъ голосомъ, задыхаясь, они восклицаютъ въ лицо своимъ врагамъ: „Мы — Русскіе“, и прибавляютъ, кажется, обращаясь къ намъ, подобно замученному Остапу: „Братья! Слышите ли Вы?“

„Слышимъ, слышимъ!“

[1]) Но даже и этотъ судъ не разъ бывалъ вынужденъ выносить оправдательные приговоры жертвамъ австрійской политики. Такъ закончился, положимъ, въ 1882 году знаменитый процессъ Добрянскаго, Наумовича, Площанскаго, Маркова и др., обвинявшихся въ стремленіи отторгнуть Галицію отъ Австрійской державы.

еще будетъ рѣчь въ дальнѣйшемъ, — такъ называемыхъ мазепинцевъ. Благодаря именно послѣднимъ, гоненія на русскихъ приняли за послѣднія 5 — 7 лѣтъ совершенно невозможный видъ. Это ставятъ, между прочимъ, въ прямую связь съ бывшимъ въ Львовѣ въ 1909 году *всеукраинскимъ съѣздомъ*, на которомъ украинцами-мазепинцами была выработана докладная записка, представленная высокимъ сферамъ въ Вѣнѣ, о возможности, при посредствѣ агитаціи галицкихъ украинцевъ, отдѣленія всей малорусской вѣтви русскаго народа отъ Россіи. Галиція-де должна сыграть приэтомъ для русской Украйны роль Пьемонта въ возсоединеніи Италіи. Оставимъ, однако, по необходимости въ сторонѣ вопросъ объ общемъ положеніи прикарпатскихъ русскихъ и обратимся спеціально къ отношенію сосѣдняго конституціоннаго и федеральнаго дружественнаго намъ государства къ русскому языку.

Австрійское правительство принадлежитъ, несомнѣнно, къ мудрѣйшимъ всего свѣта. Это оно ежечасно доказываетъ, не безъ успѣха управляя государствомъ, которое по разнокалиберности и взаимной враждѣ своихъ составныхъ частей, собственно, давно должно было бы распасться; причемъ управленіе это ведется въ интересахъ наиболѣе слабой въ численномъ отношеніи группы населенія — нѣмецкой. Оно пользуется приэтомъ нерѣдко такими пріемами управленія, которые мало, или даже вовсе неизвѣстны въ другихъ государствахъ; сюда относятся и мѣры его въ области языковъ имперіи. Мы живемъ въ удивительное время, когда создаютъ искусственныя государства, искусственные народы и искусственные языки. И въ этихъ отношеніяхъ австрійское правительство показало себя положительно виртуозомъ. Въ области языка все служило ему для достиженія основныхъ цѣлей его государственной и международной политики: *историческій языкъ или искусственно придуманный жаргонъ*, та или другая *азбука* (напр., латиница или кириллица), то или другое *письмо* (напр., церковно-славянское письмо или гражданка и скоропись), наконецъ, то или другое *правописаніе* (напр., этимологическое или фонетическое). Особенно прославилось австрійское правительство изобрѣтеніемъ новыхъ языковъ.

Когда, напр., въ періодъ оккупаціи Босніи и Герцоговины, оно находило нужнымъ препятствовать сношеніямъ населенія этихъ областей съ сербами королевства, оно изобрѣло особый *боснійскій языкъ*; послѣ же присоединенія этихъ областей, когда виды его измѣнились, однимъ почеркомъ пера отмѣнило этотъ языкъ и объявило, что въ Босніи и Герцоговинѣ мѣстнымъ языкомъ является сербскій. Къ числу подобныхъ же изобрѣтеній относится особый *хорватскій языкъ*, при помощи котораго оно пыталось расколоть сербовъ католиковъ и сербовъ православныхъ, и пр. Въ настоящее время Австрію занимаетъ мысль о насажденіи среди славянъ языка *эсперанто* въ качествѣ между-славянскаго. Въ недавнемъ же прошломъ австрійскіе чиновники сочиняли *искусственный общеславянскій языкъ* для всѣхъ славянскихъ народовъ Австріи. Языкъ этотъ долженъ былъ заключать въ себѣ элементы изъ всѣхъ славянскихъ языковъ, на которыхъ говорятъ въ Австріи. При этомъ крайне интересно то, что обыкновенно всѣ эти начинанія временно имѣли успѣхъ, иногда даже шумный успѣхъ. Всегда оказывалось достаточно лицъ, которыя по увлеченію новой идеей, или изъ соображеній личныхъ выгодъ, особенно изъ служебнаго рвенія, примыкали къ движенію, начатому въ Вѣнѣ, и оно казалось развивающимся и укрѣпляющимся.

Всю свою опытность въ этого рода дѣлахъ Австрія примѣняетъ въ настоящее время именно къ малорусскому населенію Галиціи и Буковины. Здѣсь, съ одной стороны, австрійское управленіе объявляетъ войну не на животъ, а на смерть русскому языку, а съ другой — усиленно насаждаетъ сочиняемый по его указу новый литературный языкъ: *русинскій, рутенскій, украинскій, мазепинскій, руській* (черезъ „ь"), *или рускій* (съ однимъ „с"), на названіи никакъ не могутъ остановиться.

Статья XIX австрійскихъ основныхъ законовъ отъ 21 декабря 1867 г. объ общихъ гражданскихъ правахъ говоритъ слѣдующее: „Всѣ племена населенія государства равноправны и каждое племя имѣетъ неотъемлемое право беречь и развивать свою національность и свой языкъ. Государство признаетъ всѣ, употребляемые въ краѣ, *языки равноправными въ школѣ, управленіи и общественной жизни*. Въ краяхъ, на-

селенныхъ нѣсколькими племенами, учебныя заведенія должны быть устроены такимъ образомъ, чтобы каждое изъ этихъ племенъ получило нужныя средства къ образованію на основаніи своего собственнаго языка, безъ употребленія принужденія выучиться другому краевому языку". Статья XVI основныхъ законовъ начинается словами: „Науки и ихъ преподаваніе свободны".

При той пестротѣ національнаго состава населенія, которая наблюдается въ Австріи, и при отсутствіи господствующей народности приведенныя постановленія основныхъ законовъ являются, конечно, вполнѣ понятными и разумными. Постановленія эти имѣютъ общій характеръ. Они *не говорятъ ни слова о томъ, какіе именно языки признаются „краевыми"*, ими „употребляемыми въ краѣ", они не перечисляютъ ни тѣхъ, ни другихъ. Законъ не желаетъ предрѣшать вопроса объ обиходности или необиходности того или другаго языка и даетъ только общія понятія, предоставляя примѣненіе ихъ къ дѣйствительной жизни—исполнителямъ. Въ силу этого закона, даже языкъ, не бывшій въ краѣ въ обиходѣ, можетъ и долженъ получить предусмотрѣнныя закономъ права, коль скоро онъ сдѣлается именно языкомъ обиходнымъ. Такимъ образомъ, положимъ, новѣйшее изобрѣтеніе австрійскихъ меттерниховъ, украинскій или мазепинскій языкъ считается краевымъ языкомъ Галиціи.

Рѣшенія австрійскаго державнаго суда и административнаго трибунала даютъ весьма цѣнныя разъясненія приведеннаго закона. Такъ, одно рѣшеніе поясняетъ, что для признанія даннаго языка обиходнымъ не требуется, чтобы этотъ языкъ былъ распространенъ и употребляемъ въ цѣломъ краѣ, достаточно, если онъ употребителенъ въ отдѣльныхъ округахъ, или хотя бы только въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ этого края, другими словами, требуется, чтобы онъ употреблялся вообще гдѣ нибудь въ краѣ, т. е., чтобы на немъ въ обиходной жизни *говорило извѣстное, болѣе или менѣе крупное, число гражданъ*. Такъ, въ другомъ рѣшеніи говорится о томъ, что въ понятія національность и языкъ входитъ также письмо и алфавитъ, свойственные данной національности и языку [1]).

[1]) По этому поводу „Прикарпатская Русь" даетъ слѣдующую

Казалось бы въ виду всего этого, основные законы даютъ достаточную защиту и языку австрійскихъ малороссовъ, какъ разговорному, такъ и литературному. Между тѣмъ въ дѣйствительности происходитъ слѣдующее. Привожу полностью протестъ, съ которымъ депутатъ вѣнской Державной Думы докторъ Д. А. Марковъ обратился къ ней 1 марта новаго стиля 1910 года. Изъ этого протеста видно, *какимъ преслѣдованіямъ подвергается русскій языкъ въ Галиціи.*

„20 января т. г. намѣстникъ Галиціи докторъ Бобржинскій пригрозилъ въ галицкомъ сеймѣ, что теперешнее правительство, во главѣ котораго стоитъ бар. Бинертъ, будетъ всячески *подавлять распространеніе русскаго* (russisch) *языка* и литературы среди насъ, галицкихъ малороссовъ. Вслѣдствіе этой угрозы въ послѣднее время какъ въ Галиціи, такъ и въ Буковинѣ, учителей и учительницъ подвергаютъ форменному полицейскому дознанію... Въ послѣднее время чисто культурныя общества и учрежденія, созданныя на доброхотныя пожертвованія и въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ распространявшія русскій языкъ, искусство и литературу, подчинены полицейскому надзору, а ихъ руководителямъ, какъ это случилось недавно, напримѣръ, съ пользующимся всеобщимъ увеженіемъ профессоромъ черновецкаго университета свящ. докторомъ Козакомъ, полицейскіе комиссары угрожаютъ гласнымъ надзоромъ полиціи и возможнымъ закрытіемъ данныхъ обществъ. Эти противозаконныя предпріятія недо-

---

справку: „Въ то время, когда изданы были основные конституціонные законы, языкомъ нашего домашняго обихода и литературы было *галицко-русское нарѣчіе, все болѣе очищавшееся отъ полонизмовъ и приближавшееся къ литературной рѣчи.* Такая тенденція дальнѣйшаго его развитія, вплоть до болѣе или менѣе полнаго сліянія съ общерусскимъ литературнымъ языкомъ, имѣла полное научное основаніе и была вполнѣ естественна, ибо была вызвана самой жизнью, нашими нераздѣльными культурными стремленіями, нашимъ нераздвоеннымъ національнымъ чувствомъ и сознаніемъ. Нельзя забывать, что правописаніе наше было въ то время еще этимологическое, принятое въ литературномъ языкѣ, и дальше, что объ украинскомъ сепаратизмѣ тогда еще не было рѣчи, и что Галицкая Русь, на страницахъ своей политической печати и устами тогдашняго сеймоваго депутата свящ. Наумовича, какъ разъ за годъ до конституціи 1867 г. открыто провозгласила національное и языковое единство всей Руси“.

стойны конституціоннаго правительства. Эти мѣропріятія могутъ не только провоцировать малорусское населеніе Австріи, они могутъ въ данномъ случаѣ возстановить противъ Австріи всю національно-чувствующую Россію. Въ виду того, что бар. Бинертъ уже въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ въ своемъ правительственномъ заявленіи 25 мая 1908 г. публично доказалъ свою *враждебность по отношенію къ русскому языку*, въ виду того, что онъ извѣстную антирусскую рѣчь депутата Василька если не прямо заказалъ, то во всякомъ случаѣ одобрилъ, присутствуя во время произнесенія ея; въ виду того, что вышеупомянутыя мѣры вызываютъ возбужденіе и даже кровавыя столкновенія среди русскаго народа, какъ случилось на дняхъ въ селѣ Мамаевцахъ въ Буковинѣ; въ виду того, что теперешнее правительство не хочетъ отвѣчать на мои вопросы, какъ, напримѣръ, въ теченіе года не отвѣтило мнѣ на запросъ по дѣлу о гоненіяхъ правительственныхъ органовъ на крестьянъ села Залуча въ Галиціи за ихъ переходъ въ православіе,—въ виду всего этого я вынужденъ, подъ видомъ запроса къ предсѣдателю парламента, довести упомянутыя дѣйствія теперешняго правительства до свѣдѣнія палаты“.

Со времени подачи этого протеста положеніе вещей далеко не измѣнилось. Совершенно невыносимо оно въ школѣ. Русскихъ школъ нѣтъ. Русскій языкъ не преподается ни въ одной изъ школъ Галиціи и Буковины. Въ нѣкоторыхъ, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго, преподается украинскій. Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ *преподаваніе идетъ, однако, на польскомъ языкѣ.* Положеніе несчастныхъ русскихъ дѣтей, посѣщающихъ польскія школы, поистинѣ ужасно. Галицкія газеты полны сообщеніями, съ указаніемъ мѣста, времени и собственныхъ именъ, объ истязаніяхъ и издѣвательствахъ, которымъ подвергаютъ дѣтей польскіе учителя, только за ихъ русскую народность [1]. Стараются запугать,

[1] Напримѣръ, изъ гор. Комарна пишутъ „Прикарпатской Руси“, что тамошній народный учитель, полякъ Кохарскій, прямо по-звѣрски обращается со своими учениками, дѣтьми русскихъ крестьянъ. Шестилѣтній мальчикъ ученикъ I класса народной школы Осипъ Ольховый во время урока въ школѣ *не умѣлъ плавно прочесть по-польски* указанное ему учителемъ Кохарскимъ мѣсто. Этотъ ничтожный фактъ вы-

обезличить и обезнародить русскихъ, уже начиная съ дѣтскаго возраста, уже въ школѣ. Приэтомъ управленіе Галиціи пресѣкаетъ всякую возможность укрѣпить народный духъ

звалъ въ Кохарскомъ приступъ настоящаго бѣшенства. Онъ схватилъ мальчика за волосы и сталъ кричать: „Lajdaku nie chcesz czytac po polsku". Онъ таскалъ его за волосы до тѣхъ поръ, пока не вырвалъ у него клокъ волосъ величиной въ гульденъ. Когда отъ боли и испуга мальчикъ заболѣлъ, отецъ его явился къ управителю школы, также поляку Пржипьелинскому, и началъ просить его, чтобы онъ не позволялъ Кохарскому избивать русскихъ дѣтей. Но панъ Пржипьелинскій сейчасъ же прогналъ его со словами: „Вотъ тебѣ, русскій мужикъ, хомутъ и дуга, дѣлай, что хочешь. Можешь идти съ дальнѣйшей жалобой къ Господу Богу". „Бѣда со всѣхъ сторонъ", прибавляетъ газета, „надвинулась на нашихъ русскихъ крестьянъ въ Комарнѣ... Если дѣло пойдетъ такъ далѣе, то Богъ вѣсть, до чего доведутъ наши враги нашихъ, пока-что, смирныхъ и терпѣливыхъ русскихъ крестьянъ".

Той же газетѣ сообщаютъ изъ Золочева, что „ученикъ V класса тамошней польской гимназіи Иванъ Рекшинскій, воспитаникъ русской бурсы им. В. Н. Гоголя, гонимый и преслѣдуемый проф. вшехполякомъ Кречинскимъ *за свои русскія убѣжденія*, будучи не въ состояніи дальше переносить издѣвательства надъ собой со стороны своего вшехпольскаго педагога, пустилъ себѣ во время его урока пулю въ лобъ. Этотъ случай взволновалъ весь городъ, особенно учениковъ, не исключая евреевъ и поляковъ, которые и устроили жестокимъ профессорамъ и директору гимназіи бурную демонстрацію". Такой же случай самоубійства имѣлъ засимъ мѣсто въ Перемышлѣ.

Газета „Діло" также полна сообщеніями подобнаго рода; напр., разсказывается, какъ польскій ксендзъ Іосифъ Ярецъ ударилъ въ лицо ученицу сельской школы въ Зарѣчьѣ Марію Волчанскую только за то, что она *перекрестилась по-русски*. Наконецъ, дѣло дошло, какъ извѣстно, до того, что одинъ полякъ учитель убилъ мальчика за то, что онъ хотѣлъ молиться по-русски.

„9 сентября новаго стиля 1910 года въ селѣ Жулинѣ, около города Стрыя, у подножія русскихъ Карпатъ, учитель Грейссъ, вшехпольскій агитаторъ и полонизаторъ, потребовалъ, чтобы ученики его, русскія дѣти, читали молитву „Отче нашъ" по-польски. Но одинъ изъ мальчиковъ, Михаилъ Коханчикъ, имѣлъ мужество заявить, что онъ русскій и хочетъ *молиться по-русски*. За это учитель такъ избилъ его палкой, что мальчикъ вскорѣ скончался въ страшныхъ мукахъ отъ воспаленія мозга. Незадолго до этого, тотъ же учитель такъ избилъ по лицу за ту же „провинность" сестру покойнаго мальчика, что у нея вытекъ глазъ и она на него ослѣпла". Дѣло перешло въ судъ, въ польскій судъ, который оправдалъ г. Грейсса!

Преступленіе это вызвало *негодованіе со стороны всѣхъ слоевъ русскаго общества*. Было оно предметомъ обсужденія и въ Государствен-

въ подростающихъ поколѣніяхъ какимъ-либо другимъ образомъ, помимо школы.

За послѣднее время *закрываютъ частные пансіоны для русскихъ дѣтей*, именно за то, что въ нихъ обучаютъ русскому языку. Вниманіе правительства обратилъ на эти бурсы особенно извѣстный украинецъ, буковинскій депутатъ фонъ-Василько. „Въ настоящее время“, говорилъ онъ въ одной изъ своихъ парламентскихъ рѣчей, „почти во всякомъ селѣ восточной Галиціи сидитъ платный русскій агентъ и цѣлый рядъ уѣздовъ края охваченъ небывалой русской агитаціей. Въ маленькихъ деревушкахъ учреждаются русскія бурсы-школы, гдѣ дѣтей обучаютъ русскому языку. Каждый мужикъ, отдающій своихъ дѣтей въ эти бурсы, получаетъ рубли на руки. Агитація ведется такъ беззастѣнчиво, что агитаторы не успѣваютъ даже размѣнять рублей на кроны и предоставляютъ это самимъ крестьянамъ на городскихъ ярмаркахъ“. Въ заключеніе онъ обрушивался на галицко-русскихъ вожаковъ, призывая вѣнскія и львовскія власти „спа-

---

ной Думѣ. Въ разныхъ городахъ были отслужены панихиды по невинно-убіенному младенцу. „Въ Петербургѣ служили въ Казанскомъ соборѣ. Соборъ былъ переполненъ. Среди почтившихъ память маленькаго мученика за русскую вѣру были представители Г. Думы, Г. Совѣта, Академіи Наукъ, славянскихъ организацій, арміи, литературы и учащейся университетской и среднешкольной молодежи. Всѣ политическія партіи, начиная съ правыхъ и кончая трудовиками, имѣли въ соборѣ своихъ представителей. Исключеніе составляли, говоритъ „Прикарпатская Русь“, только кадеты, органъ которыхъ выступилъ, со словъ депутатовъ изъ польскаго кола, въ самый день панихиды съ неприличною статьей, старавшейся оправдать польскаго учителя звѣря тѣмъ, что убитый имъ мальчикъ былъ чахоточный.

„Епископъ холмскій Евлогій, служившій панихиду, предварилъ ее прочувствованнымъ словомъ, тронувшимъ молящихся до слезъ. „По обычаю православной церкви“, сказалъ владыка, „поминовеніе души усопшаго принято сопровождать словомъ поученія. Но бываютъ случаи въ жизни человѣка и народа, когда самымъ краснорѣчивымъ словомъ является молчаніе. Въ данномъ случаѣ вопіетъ пролитая кровь. Малый лѣтами, но великій духомъ, отрокъ Михаилъ душу свою положилъ за родную вѣру. По ученію нашей православной церкви, кровь мученика есть сѣмя, изъ котораго произростаютъ *побѣги новой жизни.* Да послужитъ же наше молитвенное поминовеніе отрока мученика за русскую вѣру ему въ вѣчную память, а многострадальной родинѣ его, Галицкой Руси, на возрожденіе и воскресеніе“ („Прикарпатская Русь“).

пать ихъ поскорѣе, чтобы они не успѣли приготовить почвы для вторженія россійской арміи". И вотъ, бурсы, въ которыхъ только дѣти и могутъ услышать русскую рѣчь, закрываются, не смотря на объявленную въ основныхъ законахъ свободу преподаванія и не смотря на то, что частное преподаваніе предметовъ, которые не преподаются въ государственныхъ школахъ, по австрійскимъ законамъ, никакимъ ограниченіямъ не подлежитъ.

Русскому обществу должно быть извѣстнымъ циркулярное предписаніе галицкаго намѣстника и предсѣдателя областнаго школьнаго совѣта доктора Бобржинскаго отъ 28 іюля 1910 г. начальству подвѣдомственныхъ ему среднихъ учебныхъ заведеній. Этотъ циркуляръ предписываетъ именно закрытіе бурсъ за то, что: 1) Въ нихъ усмотрѣно *обученіе русскому* (rosyjskiego) *языку* и принужденіе воспитанниковъ употреблять исключительно этотъ языкъ внутри заведенія. Причемъ нѣкоторыя бурсы выписываютъ урожденныхъ россіянокъ, какъ воспитательницъ и учительницъ. 2) Здѣсь дѣло не только въ томъ, чтобы русская молодежь изучала русскій (rosyjski) языкъ и литературу, но также въ томъ, чтобы *ихъ признавала своими собственными.* Въ библіотекахъ и читальняхъ, содержимыхъ этими бурсами, находится (вопреки всѣмъ педагогическимъ началамъ) цѣлый рядъ брошюръ политическаго и полемическаго содержанія, доказывающихъ, что галицкіе русскіе составляютъ интегральную часть русскаго (rosyjskiego) народа. Приэтомъ циркуляръ очень обижается на то, что украинскій языкъ въ этихъ бурсахъ въ полномъ забросѣ [1]).

---

[1]) Напрасно русская народная организація въ Галиціи, т. н. Русская Рада, возражала, что: 1. „*Пониманіе* преподаваемой въ школахъ *украинской литературы* возможно только въ томъ случаѣ, если ученикъ ознакомился съ русской литературой, такъ какъ первая возникла изъ послѣдней и составляетъ какъ бы новую стадію въ эволюціи послѣдней.

2. „*Употребляемое* въ школьныхъ учебникахъ *нарѣчіе можетъ быть* только въ томъ случаѣ этимологически *ясно и вѣрно понятно* учениками, если они усвоили себѣ историческій книжный языкъ.

3. „Историческій книжный языкъ, или такъ называемый русскій литературный языкъ, представляетъ современную форму *развитія языка церковнаго,* на которомъ нашъ народъ молится и принимаетъ участіе въ богослуженіи. Введенное въ школы языкъ-нарѣчіе съ своевольно вы

О томъ, въ какой формѣ принимались и принимаются эти мѣры, видно хотя бы изъ того, что, напр., въ городѣ Серетѣ лишенные крова, русскіе гимназисты должны были *нѣсколько ночей* провести подъ открытымъ небомъ. Директоръ гимназіи пригрозилъ немедленнымъ исключеніемъ тѣмъ

думаннымъ, несогласнымъ съ народнымъ духомъ, запасомъ словъ для абстрактныхъ понятій и псевдофонетикой утрудняетъ молодежи чтеніе и пониманіе церковныхъ книгъ и молитвенниковъ. Для того, чтобы возстановить порванную связь народной жизни съ церковью и съ ученіемъ и противодѣйствовать паденію нравственности въ народѣ, для галицкихъ русскихъ не существуетъ другаго способа, какъ путемъ частнаго обученія распространять знанія русскаго литературнаго языка и исторически-этимологическаго правописанія, облегчающихъ чтеніе и пониманіе молитвъ и богослуженіе.

4. „*Украинская народная литература* недавняго происхожденія и чрезвычайно *убога* научными сочиненіями и книгами для молодежи, а такъ какъ она затрагиваетъ только примитивную жизнь простаго народа, она является неспособной быть выразительницей духовной жизни людей въ ея высшемъ развитіи. Русская литература имѣетъ не только научныя сочиненія изъ всѣхъ областей человѣческаго знанія, но также весьма удачныя, пользующіяся міровой славой, поэтическія сочиненія, изображающія духовную жизнь всѣхъ сословій и представляющія собою образовательную лектуру для учениковъ среднихъ школъ. Въ новѣйшія времена она обогатилась крупнымъ числомъ сочиненій для молодежи, развивающихъ ея умъ и душу и расширяющихъ горизонты ея мыслей. Воспитывающаяся въ украинскихъ гимназіяхъ молодежь чувствуетъ инстинктивно потребность пополнять школьное образованіе чтеніемъ русскихъ книгъ и предается по собственному влеченію, безъ содѣйствія настоятельства бурсъ, изученію русскаго языка и литературы.

5. „Равнымъ образомъ сознаетъ и галицко-русское сельское населеніе потребность такой литературы, которая не упускала бы изъ виду его религіозныхъ чувствъ и *запросовъ практической жизни*. Русскій языкъ въ такъ назыв. „старорусскихъ" бурсахъ преподается только по желанію родителей, желающихъ дать своимъ дѣтямъ старательное образованіе и воспитаніе. Преподаваніе на этомъ языкѣ не находится ни въ какомъ противорѣчіи къ общей тенденціи правительственныхъ школъ, такъ какъ оно только способствуетъ лучшему пониманію мѣстнаго нарѣчія. Украинскія книги получаются учениками въ ихъ школьной библіотекѣ, а если въ библіотекахъ бурсъ имѣются преимущественно русскія книги, то это, вѣдь, только естественное послѣдствіе фактическихъ отношеній". Всѣ эти соображенія не имѣли, конечно, никакого успѣха. Русскіе пансіоны продолжаютъ систематически закрываться.

бурсакамъ, которые въ трое сутокъ не уйдутъ изъ бурсы. Многіе изъ содержавшихся въ бурсѣ 25 мальчиковъ, сыновья бѣдныхъ крестьянъ, не располагали средствами на наемъ комнаты въ частныхъ домахъ. Имъ-то и пришлось, во избѣжаніе потери учебнаго года, провести нѣсколько ночей подрядъ буквально на улицѣ. Это превосходитъ, какъ справедливо замѣчало „Новое Время", даже прусскія гоненія на поляковъ и исторію съ пресловутымъ возомъ Држималы въ Силезіи. Такимъ же образомъ дѣйствовали австрійцы и въ другихъ случаяхъ [1]).

Наконецъ, за послѣднее время, дѣтей, не скрывающихъ своего русскаго происхожденія, стали прямо *не принимать* въ духовныя семинаріи (еп. Хомышинъ) и въ другія среднеучебныя заведенія, а поступившихъ изгонять оттуда [2]).

---

[1]) По сообщенію черновецкихъ газетъ, мѣстный русско-православный дѣтскій пріютъ былъ закрытъ слѣдующимъ образомъ. Утромъ, въ предрасвѣтную рань, два полицейскихъ пристава съ отрядомъ городовыхъ явились въ пріютъ, разогнали *перепуганныхъ до смерти дѣвочекъ,* въ чемъ попало, и, обыскавъ помѣщеніе, наложили на двери казенныя печати.

[2]) Какія ужасающія отношенія складываются на этой почвѣ между русскими учениками и учениками, отрекшимися отъ русскаго имени, показываютъ хотя бы послѣднія происшествія во Львовской семинаріи. Привожу запросъ русскихъ депутатовъ вѣнской Державной Думы гг. Куриловича, Маркова и тов. министру вѣроисповѣданій и просвѣщенія и министру юстиціи по поводу актовъ насилія, совершенныхъ въ греко-католической духовной семинаріи во Львовѣ.

„Ужасающія отношенія господствуютъ въ греко-католической духовной семинаріи во Львовѣ. Проявляется тамъ не любовь ближняго, а человѣконенавистничество, и то въ явно террористической формѣ.

„205 воспитанниковъ, считающихъ себя „украинцами", рѣшили единогласно остальныхъ 11 воспитанниковъ, не желающихъ преклоняться передъ „украинской" идеей, просто-на-просто, прогнать изъ греко-католической семинаріи. Они заявили 7 февраля т. г. ректору семинаріи патеру Боцяну свое неотмѣнимое рѣшеніе въ томъ смыслѣ, что они не стерпятъ въ семинаріи тѣхъ 11 воспитанниковъ, которые не раздѣляютъ ихъ „украинской" идеи, такъ какъ они считаютъ послѣднихъ схизматиками. Этими воспитанниками являются: Николай Лещинскій, Иванъ Полянскій, Петръ Ляшукъ, Іосифъ Плисъ, Николай Федынскій, Владиміръ Боровецъ, Эмиліанъ Венгриновичъ, Александръ Давидякъ, Онуфрій Захарковъ, Николай Клиновскій и Юліанъ Сенишинъ.

„Когда ректоръ воззвалъ ихъ представить положительныя дока-

Рядомъ съ этимъ происходитъ закрытіе и другихъ *русскихъ просвѣтительныхъ учрежденій* и конфискація ихъ имуществъ, увольненіе безъ всякой уважительной причины русскихъ учителей, аресты русскихъ студентовъ и пр. Такъ, одновременно, весной 1910 г., были закрыты въ Черновцахъ русскій православный народный домъ, дѣтскій пріютъ, общество русскихъ женщинъ Буковины и студенческое общество „Карпаты". Причемъ было конфисковано ихъ имущество, стоимостью болѣе 200.000 кронъ. Закрытіе это объяснялось разными формальными причинами, но въ основѣ

зательства касательно „схизматическаго" образа мыслей своихъ противниковъ, они не только не представили никакихъ доказательствъ, но даже простыхъ подозрѣній. Они только заявили кратко, что не могутъ стерпѣть, чтобы лица другаго партійно-политическаго образа мыслей — неукраинцы — оставались впредь въ семинаріи. Чтобы осуществить это рѣшеніе, они сперва устроили комедію, не приходя въ теченіе двухъ дней въ общую столовую, чтобы не сидѣть съ несимпатичными имъ товарищами за общимъ столомъ. Для успокоенія этихъ горячихъ головъ ректоръ далъ всѣмъ воспитанникамъ четырнадцатидневный отпускъ.

„По истеченіи этого отпуска, украинскіе воспитанники не только не смягчили своихъ угрозъ, но, напротивъ, усилили ихъ. 27 февраля т. г. вечеромъ они начали громко шумѣть у дверей своихъ противниковъ, пѣли въ присутствіи вицеректора Паньковскаго свою національную пѣсню „О честь вамъ кацапські лайдаки", открывали двери комнатъ, въ которыхъ живутъ ихъ противники, и кричали: „Долой руссофиловъ, смерть имъ, ихъ кровь пусть упадетъ на насъ, смерть негодяямъ, народнымъ измѣнникамъ". Это они повторили нѣсколькократно, при чемъ они также обливали кровати своихъ противниковъ нечистой водой, чтобы они не могли спать, а также разорвали ихъ одежду. Ни одинъ изъ 11 воспитанниковъ не могъ спать отъ страха, а одинъ упалъ даже въ обморокъ.

„На слѣдующій день начали украинцы, послѣ совершенія молитвы и принятія св. Тайнъ (!), еще болѣе шумѣть и угрожать. Они пытались также оскорбить своихъ противниковъ дѣйствіями, однако, послѣдніе спаслись бѣгствомъ. Ректоръ распорядился, чтобы оскорбляемые одиннадцать воспитанниковъ кушали отдѣльно и послѣ обѣда немедленно уходили изъ семинаріи, такъ какъ онъ не можетъ принимать никакой отвѣтственности за безопасность ихъ жизни. Эти 11 воспитанниковъ немедленно оставили семинарію, послѣ чего семинарія была закрыта на продолженіе 6 недѣль.

„Поведеніе украинскихъ воспитанниковъ въ виду своихъ 11 товарищей и въ частности обстоятельство, что они не удовлетворили

своей имѣло подозрѣніе австрійцевъ, что эти учрежденія субсидируются изъ Россіи. Австрійское правительство знаетъ по опыту, что пангерманское движеніе среди австрійскихъ нѣмцевъ поддерживается громадными средствами изъ Германіи, что ирридента среди итальянцевъ Тріеста и Тріента возрастаетъ, благодаря пособіямъ изъ Италіи, что даже ру-

требованію ректора, привести доказательства схизматическаго образа мыслей своихъ противниковъ, доказываетъ, какъ нельзя лучше, что они дѣйствовали не по религіознымъ, а по чисто партійно-политическимъ побужденіямъ и хотѣли своими вызывающими и насильственными дѣйствіями произвести на свое начальство давленіе въ томъ направленіи, чтобы изъ семинаріи были удалены 11 несимпатичныхъ имъ воспитанниковъ, или же, чтобы послѣдніе подъ давленіемъ угрозъ и насильственныхъ дѣйствій сами оставили семинарію, что и случилось на самомъ дѣлѣ.

„Не желая здѣсь вдаваться въ подробное обсужденіе господствующей въ галицкой греко-католической іерархіи партійно-политической системы и называть нравственныхъ виновниковъ изложенныхъ проявленій насилія, мы излагаемъ объективно фактическое положеніе дѣла исключительно съ точки зрѣнія уголовнаго закона и обращаемся къ его превосходительству г. министру юстиціи съ запросомъ: „Готовъ ли онъ привлечь виновныхъ къ строгой отвѣтственности, приказавъ возбудить противъ 205 виновниковъ безпорядковъ, фамиліи которыхъ извѣстны ректорату, судебно-уголовное преслѣдованіе по поводу преступленія общественнаго насилія?"

„А къ его превосходительству г. министру вѣроисповѣданій и просвѣщенія съ запросомъ: „Готовъ ли онъ принять мѣры, чтобы 11 нападаемыхъ воспитанниковъ могли безпрепятственно оставаться въ семинаріи и продолжать свои студіи?" — Вѣна, 5 марта 1912".

Интересно, что въ галицкихъ газетахъ были напечатаны 2 письма комитета мазепинской богословской молодежи изъ которыхъ, какъ замѣчаетъ „Прикарпатская Русь", „всѣ узнали, что «высокопоставленныя лица» признали идею, въ «защитѣ» которой мазеп. клирики борются «святою и продиктованною имъ любовью къ церкви и къ народу». Мы узнали, что тѣ же клирики «по волѣ его превосходительства митрополита гр. Шептицкаго приступили къ обвиненію москвофиловъ», что при благосклонномъ вниманіи и содѣйствіи «высокопоставленныхъ» сдѣлано все такъ, «чтобы дѣло не окончилось ничѣмъ», другими словами, чтобы русскіе воспитанники были изъ семинаріи устранены. Такимъ образомъ, мы узнали тайну рѣдкой солидарности двухъ сотенъ трусливаго клерикальнаго приплода. Молодые лыцари въ реверендахъ знали, кто за ихъ плечами. Они знали, что ихъ выступленія не только одобряются «высокопоставленными», но и благословляются ими, какъ «святое дѣло»".

мынская борьба въ Семиградьи и Буковинѣ питается средствами изъ Румыніи. По аналогіи оно заключило, что и русское движеніе въ Галиціи существуетъ на средства, идущія изъ Россійской Имперіи. Воскресла легенда о „кочующемъ рублѣ“. Къ сожалѣнію, Россія доселѣ почти вовсе не интересуется галичанами. Но если бы даже этимъ учрежденіямъ благотворительствовали изъ Россіи, что преступнаго было бы въ этомъ вообще, и съ точки зрѣнія австрійскихъ законовъ? Графъ В. А. Бобринскій и въ Прагѣ, и во Львовѣ, и въ Г. Думѣ указывалъ на то, что разъ въ Австро-Венгріи допускается просвѣтительная помощь одноплеменникамъ изъ-за-границы, разъ она разрѣшается и германскимъ, и итальянскимъ, и румынскимъ благотворительнымъ обществамъ, то такимъ правомъ могутъ пользоваться и русскіе.

Результатомъ всѣхъ этихъ мѣръ является, конечно, только духовное приниженіе всего галицко-русскаго народа. Вотъ что, именно на сей счетъ, говоритъ одинъ изъ галицкихъ дѣятелей: „Поучившись 6 лѣтъ въ народной школѣ, молодой галичанинъ научился съ трудомъ немного по-польски, иногда даже вызубрилъ калѣчащій его родную малороссійскую рѣчь украинскій жаргонъ, а что же дальше и для чего все это? Польской литературы онъ чуждается, такъ какъ сознаетъ себя русскимъ и родители и окружающіе ему постоянно твердятъ, чтобы онъ не ополячился; церковно-славянская книга ему непонятна, такъ какъ фонетическое правописаніе, введенное въ 1892 году, вопреки массовымъ протестамъ народа, лишило его возможности разобраться въ богослужебной книгѣ; затѣмъ, украинской литературы собственно не существуетъ. Шевченко ему даже не понятенъ“. Изъ школы выходитъ *забитое, безвольное, не помнящее родства существо.* Не этого ли хотятъ австрійскія власти?

Преслѣдованіе русскаго языка не ограничивается, однако, школой. Не желаетъ признавать его и вѣнская *Державная Дума.* Незадолго до убійства намѣстника Потоцкаго президентъ вѣнскаго парламента Вейскирхнеръ отказался принять петицію свыше 1.000 галицко-русскихъ общинъ, требовавшихъ признанія гражданскихъ правъ за русскимъ литературнымъ языкомъ въ Австріи, ссылаясь на то, будто петиціи эти составлены на одномъ изъ языковъ, не признанныхъ въ

Австріи обиходными или земскими (landesübliche). За Вѣной слѣдуетъ и *галицкій сеймъ* [1]). То же самое происходитъ и въ судѣ, и въ администраціи.

Такъ, циркуляръ предсѣдателя львовскаго областнаго апелляціоннаго суда отъ 25 іюня 1910 г. запрещаетъ сторонамъ пользоваться русскимъ языкомъ въ бумагахъ и уставахъ, подаваемыхъ областнымъ властямъ, а властямъ принимать и входить въ разборъ такихъ бумагъ и уставовъ. Предписывается возвращать безъ разсмотрѣнія безусловно всѣ тѣ изъ поступающихъ бумагъ, въ коихъ встрѣчаются *хотя бы отдѣльныя русскія выраженія*, или которыя написаны этимологическимъ правописаніемъ.

Особаго упоминанія заслуживаетъ, далѣе, подобное же распоряженіе намѣстника Бобржинскаго отъ 27 ноября 1909 г. административнымъ властямъ отвергать всѣ бумаги, если онѣ составлены на общерусскомъ языкѣ, или написаны этимологически. На этомъ основаніи австрійскіе чиновники съ желѣзною послѣдовательностью ведутъ борьбу не только съ употребленіемъ русскаго языка вообще, но даже *съ употребленіемъ отдѣльныхъ русскихъ словъ*.

Дошли до того, что *подвергаютъ штрафамъ* тѣхъ лицъ, которыя смѣютъ обращаться къ власти на русскомъ языкѣ. На священника Юрчаневича былъ, напр., недавно наложенъ штрафъ за то, что онъ употребилъ въ своемъ прошеніи нѣсколько русскихъ литературныхъ словъ; въ другомъ случаѣ исковое прошеніе не было принято судьей потому, что въ немъ оказалось 2 русскихъ слова: „по заказу". Русскія книги отбираютъ у крестьянъ; запрещаютъ въ деревняхъ пѣть русскія пѣсни. Не такъ давно русскій депутатъ вѣнскаго рейхсрата г. Курыловичъ сообщалъ въ запросѣ на имя его предсѣдателя, что Бучачское почтовое отдѣленіе не приняло почтоваго перевода общества „Русская Бурса" на томъ основаніи, что въ немъ было указано отчество адресата, что является будто бы великорусскимъ выраженіемъ. Въ томъ-

[1]) До 1900 года деньги, принудительно собираемыя со всего населенія, отпускались только польскимъ просвѣтительнымъ учрежденіямъ и отчасти украинской партіи; лишь въ 1900 году были назначены впервые 6.000 кронъ пособія и обществу имени Качковскаго, ведомому русской народной партіей.

же городѣ Бучачѣ желѣзнодорожная касса отказала гимназисту Бѣлану въ выдачѣ билета по пониженной цѣнѣ на томъ основаніи, что ученикъ написалъ на удостовѣреніи свою фамилію съ твердымъ знакомъ, употребленіе коего считается въ Австріи признакомъ политической неблагонадежности. И. т. д., и т. д.

Крайне поучительно, что въ борьбѣ съ русскимъ языкомъ важное политическое значеніе придается вполнѣ незначительнымъ, казалось бы, явленіямъ. Въ этомъ отношеніи небезынтересно будетъ привести выдержки изъ записки галицкаго краеваго выдѣла отъ 16 іюля 1892 г. „Краевый выдѣлъ", говорится въ этой запискѣ, „позволяетъ себѣ обратить вниманіе высокаго импер.-корол. министерства на частыя жалобы русиновъ, что русинскій переводъ „Вѣстника Государственныхъ Законовъ", а равно почти всѣ другія, издаваемыя центральнымъ правительствомъ на рутенскомъ языкѣ оффиціальныя распоряженія и публикаціи, составлены не на чистомъ рутенскомъ языкѣ и содержатъ смѣсь староцерковнаго, цѣлыя столѣтія не употребляемаго, мертваго языка и языка россійскаго, который для русинскаго населенія Галичины такъ же чуждъ, какъ чешскій или сербскій языки. Между русинами возникло оправданное неудовольствіе, такъ какъ они имѣютъ право требовать, чтобы ихъ языкъ не былъ обезображенъ примѣсью другихъ, чуждыхъ ему языковъ, а напротивъ, чтобы *въ интересахъ государства и края* охранялась чистота и достоинство ихъ языка".

Записка оканчивается слѣд. словами: „Краевый выдѣлъ считаетъ нужнымъ не только для пользы рутенскаго народа, но, въ первомъ ряду, *въ интересахъ монархіи*, требующихъ очищенія рутенскаго языка отъ россійскаго вліянія, довести вышеизложенное дѣло до свѣдѣнія высокаго имп. кор. министерства съ просьбой о скорѣйшемъ исправленіи указанныхъ недостатковъ". Такимъ образомъ, примѣсь русскихъ словъ объявляется поляками угрожающей не только интересамъ края и государства, но даже монархіи!

О томъ, каково отношеніе къ русскому языку въ средѣ администраціи, свидѣтельствуетъ также, производившаяся въ послѣднее время въ Австріи, *перепись населенія.* Австрійскій законъ о переписи населенія требуетъ обозначенія лишь

того языка, который данное лицо обычно употребляетъ въ житейскомъ обиходѣ. Перепись совсѣмъ не интересуется ни національной принадлежностью, ни національнымъ самосознаніемъ отдѣльныхъ лицъ. Сдѣлано это вовсе не спроста. При такой постановкѣ вопросовъ австрійское правительство можетъ, оказывается, достигать весьма важныхъ для него результатовъ.

Циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 20 августа 1910 года предписываетъ, что главу 13 заявительныхъ по народной переписи листковъ должны выполнять только австрійскіе граждане, называя своимъ разговорнымъ языкомъ тотъ, который ими употребляется въ повседневномъ обиходѣ, однако только одинъ изъ нижеслѣдующихъ: 1) нѣмецкій, 2) чешско-моравско-словацкій, 3) польскій, 4) рутенскій, 5) словинскій, 6) сербо-хорватскій, 7) итальянскій-латинскій, 8) румынскій, 9) мадьярскій. Такимъ образомъ, при переписи *въ спискѣ обиходныхъ въ Австріи языковъ не оказалось языка русскаго*, на которомъ говорятъ болѣе 4 милліоновъ карпатороссовъ [1]).

---

[1]) Относительно этого вопроса позволю себѣ перепечатать цѣликомъ статью г. М. Г. изъ № 493 „Прикарпатской Руси“ за 1911 г., прекрасно освѣщающую всю незаконность этого циркуляра и создавшейся на его основаніи практики: „Нельзя забывать, что этотъ грубо несправедливый рескриптъ, явно нарушающій гарантированныя конституціей національныя права нѣкоторыхъ племенъ Австріи, изданъ на основаніи и въ исполненіе весьма краткаго, состоящаго всего только изъ 4 статей, закона о народной переписи отъ 29 марта 1869 года № 67 журн. гос. зак. и особыхъ положеній о производствѣ народной переписи, являющихся составной частью названнаго закона. Ни этотъ законъ, ни приложенныя къ нему положенія не содержатъ рѣшительно *никакихъ предписаній относительно разговорнаго языка* и, значитъ, не содержатъ никакихъ стѣсненій гражданъ въ ихъ природномъ правѣ называть своимъ разговорнымъ языкомъ тотъ, который для нихъ является таковымъ въ дѣйствительности. Параграфъ 30 названныхъ законоположеній о производствѣ переписи содержитъ, однако, постановленіе о томъ, что уклоняющійся отъ народной переписи, а равно дающій невѣрныя заявленія и вообще уклоняющійся отъ исполненія возложенныхъ на него законныхъ обязанностей, подвергается денежному штрафу въ размѣрѣ отъ 2 до 40 кронъ, въ случаѣ невзыскаемости — аресту до 4 сутокъ. Что это предусматриваемое наказаніе можетъ быть примѣнимо только въ случаяхъ нарушенія именно этого закона, а никакого другаго и тѣмъ менѣе какого нибудь рескрипта, это и для неюристовъ даже, не по-

На этомъ основаніи не только крестьянамъ, но даже лицамъ интеллигентнымъ, *запрещали* при переписи *показы-*

длежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Въ частности не можетъ быть рѣчи о наказуемости по § 39 названнаго закона въ случаѣ, если гражданинъ, вовсе не уклоняясь ни отъ какихъ возлагаемыхъ на него закономъ обязанностей, даетъ именно только вполнѣ вѣрное заявленіе, будь о своемъ вѣроисповѣданіи, или разговорномъ языкѣ. Это не только выходитъ изъ словъ и духа закона, но является главнымъ условіемъ законности его, ибо истекаетъ изъ самаго чувства и сознанія права и правды.

„Это и было причиной факта, что австрійскіе граждане, употребляющіе другіе разговорные языки, чѣмъ допущенные рескриптомъ отъ 20 августа 1910 года, не обращая никакого вниманія на этотъ, по меньшей мѣрѣ чудовищный, рескриптъ, называли, согласно истинѣ, своимъ разговорнымъ языкомъ тотъ, который ими дѣйствительно употребляется. Такъ, поступили десятки тысячъ гражданъ, употребляющихъ въ обиходѣ еврейскій жаргонъ, французскій языкъ и т. д. Видя и сознавая, что г. министръ въ названномъ рескриптѣ, выражаясь мягко, зарапортовался, власти, не исключая того же министерства внутреннихъ дѣлъ, поспѣшили впередъ объявить своего рода амнистію всѣмъ евреямъ, назвавшимъ своимъ разговорнымъ языкомъ жаргонъ. Исторической покровительницѣ евреевъ необходимо было, съ одной стороны, задобрить и умилостивить вѣрныхъ пособниковъ отечественныхъ финансовъ и политики, съ другой, не только спасти названный рескриптъ отъ заслуженной насмѣшки со стороны юристовъ, статистиковъ и государствовѣдовъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ, но также лишній разъ прослыть либеральнѣйшей изъ либеральныхъ странъ Европы. Конечно какъ во всѣхъ вопросахъ, такъ и въ этомъ, мы, *русскіе*, были оставлены внѣ всѣхъ этихъ соображеній и разсчетовъ, и, какъ всегда, не только внѣ милостей, *но и внѣ закона.*

„Въ доказательство чего приводимъ слѣдующій фактъ: Староство въ Горлицахъ приговорило свящ. Іоанна Городецкаго, настоятеля прихода Новица, резолюціей отъ 18 апрѣля 1911 г. № 7836 за нарушеніе § 30 закона отъ 20 марта 1869 г. № 67 журн. гос. зак., совершенное *названіемъ при народной переписи русскаго* (rossyjskiego, russisch) *языка*, какъ языка разговорнаго, на основаніи того же закона къ штрафу въ размѣрѣ 20 к., въ случаѣ невзыскаемости къ аресту на 2 сутокъ. Этотъ случай далеко не единичный. Подобному наказанію за русскій языкъ были подвергнуты также другіе наши люди, въ ихъ числѣ даже крестьяне. Но съ другой стороны, были оштрафованы далеко не всѣ, давшіе такое же заявленіе о своемъ разговорномъ языкѣ. Это можно бы объяснить такимъ образомъ, что уѣздныя административныя власти не получили ясныхъ и однообразныхъ указаній свыше относительно того, какъ поступить съ лицами, назвавшими своимъ разговорнымъ языкомъ языкъ русскій (russisch). Однако такое объясненіе не выдер-

вать ихъ языкъ русскимъ. Комиссары записывали ихъ языкъ рутенскимъ, а то и польскимъ. Съ особеннымъ успѣхомъ

живаетъ критики, если принять во вниманіе, что правительство всегда съ особой тщательностью обсуждаетъ всякія мѣропріятія по отношенію къ нашей національной организаціи и всякимъ проявленіямъ ея жизненной энергіи въ борьбѣ за національныя права русскаго народа. Гораздо ближе къ истинѣ будетъ такое объясненіе, что власти, съ одной стороны, желали избѣжать широкой огласки, какую неминуемо получило бы это явное насиліе въ случаѣ, если бы такому наказанію были подвергнуты десятки и сотни тысячъ людей, назвавшихъ своей разговорной рѣчью русскій языкъ, съ другой же стороны, власти желали изъ спорадическихъ приговоровъ создать желанный преюдикатъ на будущее. Вѣдь, фактъ, что назвавшіе себя русскими (Russen) были за то приговорены, въ связи съ дальнѣйшимъ фактомъ, что такихъ приговоренныхъ за это было нѣсколько десятковъ, послужитъ и для будущаго австрійскаго министра и столь же прославленнаго австрійскаго историка убѣдительнымъ во внѣ и внутри государства *аргументомъ для утвержденія, что въ Австріи въ самомъ дѣлѣ никакого русскаго народа нѣтъ.*

„Разбирая упомянутые приговоры съ точки зрѣнія дѣйствующихъ въ Австріи законовъ, нельзя, прежде всего, не обратить вниманіе на основной конституціонный законъ объ общихъ правахъ гражданъ отъ 21 декабря 1867 г. № 142 журн. гос. зак., въ частности на его XIX ст., гарантирующую всѣмъ племенамъ полное право беречь и развивать свою національность и свой языкъ. О принадлежности гражданина къ той или другой національности рѣшаетъ не правительственная власть, за которой такого права не признаетъ ни одинъ законъ, и вообще не рѣшаетъ никакая власть, а рѣшаетъ наука и дѣйствительная жизнь, а въ отдѣльныхъ случаяхъ, какъ это неоднократно признавалъ верховный административный трибуналъ, рѣшаетъ заинтересованная личность сама, при чемъ ея рѣшеніе безапелляціонно и обязательно для всѣхъ, и, значитъ, для властей. *О недоступности* какого бы то ни было, значитъ, и *русскаго языка* въ домашнемъ обиходѣ равнымъ образомъ *не говоритъ ни единый законъ*, изъ чего ясно слѣдуетъ, что въ качествѣ разговорной рѣчи въ Австріи допустимы всѣ языки.

„Въ законѣ отъ 20 марта 1869 г. (о народной переписи) о языкѣ обихода совершенно не говорится, въ виду чего, уже по этой одной причинѣ, называя русскій языкъ своимъ разговорнымъ, нельзя и просто немыслимо свершить какое-либо нарушеніе этого закона, такъ какъ этотъ законъ совершенно не предусматриваетъ даже никакого такого, или хотя бы только подобнаго нарушенія. Это и вполнѣ правильно, ибо если *нѣтъ закона, который запрещалъ бы говорить по-русски,* т. е., употреблять этотъ языкъ въ качествѣ разговорной рѣчи, то въ логической консеквенціи не можетъ, вѣдь, быть никакого запрета (тѣмъ болѣе законнаго и при томъ еще подъ угрозой наказанія) признаться, со-

происходило именно зачисленіе малороссовъ въ поляки [1]. Здѣсь самъ собой возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ возможны всѣ эти злоупотребленія? Отвѣтъ очень простъ.

гласно истинѣ, въ употребленіи этого языка въ разговорѣ. Это равнялось бы запрещенію говорить правду, каковое запрещеніе было бы явно безнравственно.

„Не находя даже возможнымъ, со столь высокой точки зрѣнія, обсуждать названный рескриптъ отъ 20 августа 1910 года, послужившій весьма прозрачной ширмочкой для оговариваемыхъ, явно произвольныхъ приговоровъ, мы не можемъ не указать на то, что основной конституціонный законъ гарантируетъ всѣмъ гражданамъ неоспоримое право пользоваться вездѣ, значитъ, и въ обиходѣ, своимъ роднымъ языкомъ, и, слѣдовательно, также считать и называть этотъ языкъ своимъ и требовать признанія его именно такимъ. И поэтому рескриптъ, *запрещающій русскимъ гражданамъ Австріи называть своей разговорной рѣчью языкъ русскій*, является яркимъ нарушеніемъ основнаго конституціоннаго закона объ общихъ правахъ гражданъ, а всякое нарушеніе закона, все равно палкой ли, или словомъ, недопустимо, непримѣнимо. Примѣнять его, значитъ совершать грубое насиліе. А это позоръ".

[1]) „Польскій походъ на Русь", говоритъ профессоръ Филевичъ, „начался еще въ сентябрѣ и открылъ его *самъ глава католической церкви въ Галичинѣ*, львовскій архіепископъ Бильчевскій. 15 (28) сентября онъ издалъ циркуляръ ко всему католическому духовенству, призывая его тщательно блюсти, чтобы при предстоящей общей переписи населенія костелъ и польская народность не потерпѣли ущерба.

„Дѣло въ томъ", говоритъ архіепископъ въ своемъ циркулярѣ, „что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поляки и католики обычно говорятъ по-русски. Эта аномалія легко можетъ быть использована для искаженія дѣйствительности. Этого не должно быть. *Латинники не русины*, а поляки, потому что молятся по-польски, и если обычно пользуются русской рѣчью, то лишь потому, что живутъ среди русскихъ и не свободны отъ предразсудка, будто польская рѣчь есть рѣчь панская. Архіепископъ высказываетъ надежду, что этотъ предразсудокъ понемногу исчезнетъ и что къ слѣдующей переписи уже не окажется такой мѣстности, гдѣ бы поляки говорили по-русски. Поэтому всѣ латинники уже теперь должны записать себя поляками и назвать свой языкъ польскимъ".

„Въ духѣ архіепископскаго циркуляра изданъ за послѣднее время цѣлый рядъ *брошюръ и спеціальныхъ воззваній къ русскимъ католикамъ Галицкой Руси*. Особенно выдѣляется брошюра, вышедшая изъ типографіи главнаго всепольскаго органа „Slowo P.": „Spis ludnosci i jego wielkie znaczenie dla narodu polskiego". Вотъ какое наставленіе даетъ, между прочимъ, эта брошюра:

„Каждый полякъ латинскаго исповѣданія, гдѣ бы онъ ни жилъ, и кто бы его ни спрашивалъ, обязанъ всегда безъ колебанія отвѣтить:

Для того, чтобы оправдать свое отношеніе къ русскому языку, австрійскія власти утверждаютъ, что *въ Галиціи нѣтъ русскихъ*, значитъ нѣтъ мѣста и для русскаго языка [1]. Упомянутый циркуляръ о бурсахъ заявляетъ: „Воспитательное направленіе, данное бурсамъ съ очевиднымъ политическимъ стремленіемъ, расходится съ системой, на которой, по мысли основныхъ государственныхъ законовъ, основано все общественное воспитаніе въ монархіи, и тѣмъ самымъ и въ нашемъ краѣ. Основа этого воспитанія національна, въ Галичинѣ же существуетъ въ пониманіи основнаго закона только племя польское и племя русинское, наряду съ малочисленными нѣмецкими колоніями, *русскаго же* (rosyjskiego) *племени не существуетъ*". Вотъ и все.

Тщетно протестуютъ галицкіе русскіе, заявляя, что они еще живы. Тщетно вопіютъ о томъ, что ихъ языкъ — русскій [2]. *Русскій языкъ* объявленъ въ Галиціи, въ вотчинѣ Владиміра Святаго *иностраннымъ*!

я говорю по-польски. Если бы, Боже упаси, онъ забылъ объ этомъ и сказалъ: я говорю по-русски, тогда его записали бы русскимъ. Это былъ бы величайшій стыдъ и позоръ, если бы кто-нибудь изъ поляковъ отвѣтилъ: я говорю по-русски. Ибо, хотя иной, *по дурной привычкѣ, и говоритъ часто по-русски*, но развѣ по-русски онъ молится, поетъ въ костелѣ, или говоритъ съ Богомъ?" Далѣе, брошюра настоятельно рекомендуетъ всѣмъ хозяевамъ записывать поляками всѣхъ своихъ домашнихъ. Имѣйте одинъ отвѣтъ за себя и за всѣхъ въ домѣ вашемъ: я, а равно всѣ мои домашніе, говоримъ по-польски. Если бы, напримѣръ, мужъ — русскій заявилъ, что его жена — полька говоритъ по-русски, она должна сейчасъ же возразить, что это неправда и велѣть комиссару записать, что она, а равно ея дочери говорятъ по-польски" („Прикарпатская Русь", 1910 г. 29 ноября).

„При такой постановкѣ вопроса вся русская прислуга и рабочіе должны быть записаны поляками, потому что ломаютъ свой языкъ на польскій ладъ въ разговорѣ съ своими хозяевами. Мало ли еще какія основанія могутъ быть изобрѣтены для увеличенія „польскаго обладанія". Вѣдь, одинъ изъ делегатовъ львовскихъ учителей, отправленный въ Жулинъ, нашелъ, что покойный Коханчикъ былъ полякъ, потому что *его дядя служилъ костельнымъ сторожемъ у польскаго ксендза*".

[1] Такое именно заявленіе, притомъ въ оскорбительной формѣ, сдѣлалъ министръ внутреннихъ дѣлъ Бинертъ въ вѣнскомъ парламентѣ въ 1908 году, отрицая существованіе русскаго народа въ Австріи.

[2] Отвѣтъ былъ данъ на указанную рѣчь Бинерта предсѣдателемъ русскаго клуба священникомъ В. Давидякомъ, а также непосредственно

Для того, чтобы имѣть возможность отрицать существованіе русскихъ въ Австріи, политики ея объявляютъ галицкихъ, буковинскихъ и угорскихъ малороссовъ за *особое нерусское племя.* Не могутъ только остановиться на выборѣ для нихъ новаго народнаго имени: называютъ ихъ *русинами, рутенами, рутенцами, украинцами, мазепинцами,* наконецъ, *руськими* (черезъ „ь“), *рускими* (черезъ одно „с“). Такимъ образомъ, начинаютъ съ того, что стараются *отнять* у одной изъ вѣтвей народа русскаго и у языка, которымъ она говоритъ, ихъ *историческое имя.* Не мѣшаетъ при этомъ отмѣтить, что русскаго имени желаютъ лишить именно ту часть нашего народа, которая впервые назвалась Русью. Кіевская и Галицкая Русь старше Владимірской и Московской. Москва получила свое русское имя изъ Кіева. Можетъ ли быть, поэтому, что-нибудь безсмысленнѣе предложенія, чтобы именно южная вѣтвь народа русскаго отказалась отъ своего историческаго названія? [1]). Старанія эти уже очень давни.

Названіе *„русины“* примѣняется съ тѣхъ поръ, какъ Галиція присоединена къ Австріи. Названіе *„рутены“* (Ruthenen) австрійское правительство давало русскимъ галичанамъ уже въ 1816 г. Выраженіе *„украинцы“* болѣе новаго происхожденія. Оно распространилось лѣтъ 25 тому назадъ. Съ нимъ соперничаетъ теперь позорная кличка „мазепинцы“. Наконецъ, названія *„руській“* или *„рускій“* стали примѣняться на практикѣ, напр., при выборахъ въ Державную Думу, лишь за послѣдніе годы, въ виду неуспѣха первыхъ.

Причину появленія этихъ новыхъ названій и борьбы со старымъ именемъ совершенно откровенно высказываетъ нѣмецкій профессоръ Инсбрукскаго университета Германъ Бидерманъ: „То было *роковою безтактностью* дать русинамъ названіе „Russen“, *соединяющее ихъ съ великоруссами.* Если русиновъ, въ противоположность великоруссамъ, назвать рутенами, тогда-де всякая опасность исчезаетъ“... Сочиненныя австрійскими чиновниками названія должны, такимъ обра-

---

самимъ народомъ въ протестѣ, покрытомъ подписями болѣе 53.000 русскихъ галичанъ.

[1]) Интересно отмѣтить, что и выраженія *„малороссъ“*, Малороссія“ также сравнительно *древни.* Такъ, уже галицкій князь Юрій I въ 1305 году принялъ титулъ „короля всей Малой Руси“.

зомъ, отколоть русскихъ подъяремныхъ отъ русскихъ державныхъ.

Впрочемъ, и сами австрійскія власти никогда не скрывали побужденій, изъ которыхъ онѣ придумывали новыя клички для русскихъ галичанъ. Извѣстенъ вопросъ губернатора Галиціи Стадіона русской депутаціи въ 1848 г.: „Sind Sie denn eigentlich mit den Grossrussen eine und dieselbe Nation?“ И заявленіе его: „Вы можете разсчитывать на поддержку правительства только въ томъ случаѣ, если захотите быть самостоятельнымъ народомъ и откажетесь отъ національнаго единства съ народомъ внѣ государства, именно въ Россіи, т. е., *если захотите быть рутенами, не русскими* (Ruthenen, nicht Russen)“. „Вамъ не повредитъ“, говорилъ онъ, „если примете новое названіе для того, чтобы отличаться отъ русскихъ, живущихъ за предѣлами Австріи. Хотя вы примете новое названіе, но, все таки, останетесь тѣмъ, чѣмъ вы были“. И галичанамъ приходилось, увы, не разъ соглашаться съ подобными категорическими совѣтами... Стадіону депутаты также отвѣтили, что они дѣйствительно смиреннѣйшіе рутены, а не русскіе.

Всѣ *новыя названія*, придуманныя для австрійскихъ русскихъ, *потерпѣли, однако, полную неудачу.* Выраженіе рутены и русины получило чуть ли не бранное значеніе, спеціально для обозначенія угодливыхъ передъ австрійскимъ правительствомъ галичанъ. О названіи украинцы ничего не хочетъ слышать простой народъ, заявляя: „мы ничего не украли“. Больше успѣха имѣютъ австрійцы съ выраженіемъ „рускій“ (черезъ одно „с“) или „руській“ (черезъ „ь“), да и то только тамъ, гдѣ народъ невполнѣ грамотенъ. Въ другихъ мѣстахъ населеніе не желаетъ уступать своимъ властямъ и этого одного „с“. Такъ, при производившейся недавно въ Австріи переписи во многихъ мѣстахъ крестьяне требовали не только того, чтобы ихъ записывали русскими, но и того, чтобы слово русскій писалось черезъ два „с“, а не съ однимъ [1]).

---

[1]) Въ деревнѣ Святковой Малой комиссаръ спрашивалъ, „кто васъ такъ научилъ?“, а крестьянинъ отвѣчалъ: „Господинъ Бинертъ и Бобржинскій, бо докля они ничъ не гварили, та и мы тихо сѣдили, але якъ они повѣли, же насъ не е, та мы повѣдаме, же мы жіеме“. Услышавъ такое „dictum acerbum“, комиссаръ умолкъ („Прикарпатская Русь“).

Взглянувъ на дѣло sine ira et studio, мы видимъ, что всѣ русскія народности, всѣ вѣтви и подраздѣленія русскаго народа *всегда и всюду называли и называютъ себя русскими.* Это свое народное имя они особенно подчеркиваютъ и подчеркивали тогда, когда имъ приходилось сталкиваться съ иноплеменниками, или говорить объ общихъ судьбахъ своей родины. Вспомните, какъ лѣтописецъ называлъ Кіевъ „матерью городовъ русскихъ", а пѣвецъ Слова о полку Игоревѣ, южно-русскій пѣвецъ призывалъ князей и народъ отмстить за обиду сего времени, за землю Русскую. И въ наше время съ особымъ чувствомъ произносятся священныя слова: Русь, русскій тамъ, гдѣ русскому народу приходится вести особо тяжелую борьбу за свое существованіе, въ Прикарпатской Руси. Въ Галиціи говорятъ: я—русинъ, я—руська, мы—руськи, руська вѣра. „Одинъ Богъ на небѣ — одна Русь на землѣ". „Здѣсь—руська земля, ляха треба за Сянъ" [1]).

Большинство галицкихъ малороссовъ рѣшительно *протестуетъ противъ намѣренія украсть у нихъ русское имя.* Не такъ давно въ австрійскомъ парламентѣ депутатъ Курыловичъ сказалъ слѣдующее: „Мы отвѣчаемъ этимъ господамъ ясно и рѣшительно: въ Галичинѣ было автохтонное русское населеніе, въ Галичинѣ есть народъ, желающій сохранить свое священное русское имя, въ Галичинѣ будутъ жить русскіе, которымъ, впрочемъ, безразлично, перекрещиваетъ ли ихъ австрійское правительство въ „рутеновъ" или поляки въ „москалей". Но самое интересное, конечно, въ томъ, что наилучшее подтвержденіе, такъ сказать, „русскости" галичанъ даютъ именно тѣ официальныя названія, которыя для нихъ придумываютъ австрійцы.

Такъ, *русины* есть только неправильно образованное множественное число отъ совершенно правильной формы единственнаго — русинъ, встрѣчающейся и въ древнихъ памятникахъ, да и въ предѣлахъ современной Россіи, напр., въ Архангельской губ. Множественное число отъ нея должно было бы быть русы, или русскіе. Столь же неправильно прилагательное русинскій, образованное отъ существительнаго

[1]) Южно-русское рыцарство—казаки въ старину говаривали: „Знай Ляше, по Сянъ наше".

русинъ. Вѣдь, никто не говоритъ англичанине и англичанинскій, христіанине, христіанинскій и т. п. Суффиксъ единственнаго числа „ин“ при образованіи множественнаго, а равно и при образованіи прилагательныхъ долженъ, конечно, выпадать.

Далѣе, названіе *Ruthenen* — латино-греческаго происхожденія. Routhenos на языкѣ средневѣковыхъ греческихъ памятниковъ являлось передачей слова русинъ. Оно было заимствовано изъ греческаго языка средневѣковымъ латинскимъ и въ папскихъ бумагахъ употреблялось въ значеніи русскіе — Russen. Другими словами, и это названіе, въ сущности, только подтверждаетъ, что галичане русскіе.

Названіе *„рускіе“* просто образецъ малограмотнаго фонетическаго искаженія общаго нашего народнаго имени, которое рѣшительно никого не можетъ ввести въ заблужденіе.

Названіе *„руськіе“*, которое приверженцы фонетики также считаютъ своимъ достояніемъ, есть одна изъ древнихъ формъ русскаго народнаго имени, употребляемая, какъ мы видѣли, и населеніемъ Галиціи, а потому имѣетъ всѣ права на существованіе.

Остается названіе *„украинцы“*, но оно уже совершенно неправильно распространено на Галицію, которая никогда къ составу Украины не принадлежала. Жители же дѣйствительной Украины употребляя выраженіе „украинцы“ никогда не отрекались и отъ общаго русскаго имени. Названіе „украинцы“ слѣдуетъ сопоставить съ другимъ, которымъ начинаетъ щеголять за послѣдніе годы нѣкоторая часть недоучившейся малорусской молодежи въ Галиціи, именно *„мазепинцы“*. Оно не только безсмысленно вообще и въ частности въ приложеніи къ галичанамъ, но и позорно. Можно однако, думать, что оно въ концѣ-концовъ утвердится, конечно, для обозначенія не всего галицко-русскаго народа, а нѣкоторой части распропагандированной молодежи его, сдѣлавшей Мазепу своимъ національнымъ героемъ.

Словомъ, всѣ эти изобрѣтенія могутъ обмануть только весьма малообразованныхъ лицъ. Для сколько-нибудь начитанныхъ они подтверждаютъ лишь общее народное единство галичанъ со всѣмъ народомъ русскимъ. Поэтому болѣе проницательности показывалъ императоръ Леопольдъ, который

старался избѣгать даже названія „Ruthenen", рутены, какъ весьма близкаго къ выраженію Russen, русскіе, замѣняя его выраженіемъ *греко-католики* (graeco-catholici). Вѣнскіе политики положительно ошиблись, не послѣдовавъ его указанію. Интересно, что перечисленнымъ далеко не ограничиваются попытки заставить забыть настоящее народное имя галичанъ. Такъ, поляки называютъ ихъ *простымъ* народомъ, русскій языкъ—простымъ и т. п.

Въ виду малаго успѣха указанныхъ новыхъ названій, галицко-польскіе дѣятели, во избѣжаніе недоразумѣнія, *переименовали за одно и имперскихъ русскихъ.* Они насъ называютъ уже не русскими, а россіянами, или москалями, а нашъ языкъ не русскимъ, а россійскимъ, или московскимъ. Но и этотъ опытъ съ новымъ народнымъ названіемъ никакого серьезнаго успѣха не имѣлъ и имѣть не могъ. Не надо забывать, что исторически названіе русскаго народа принимало разныя формы: русскіе, россіяне, россы, руссы, руссаки, руськіе, русскій, русинъ и т. д. И эти различныя формы одного и того же историческаго имени никогда и ни въ комъ не вызывали сомнѣнія относительно народа, къ которому онѣ прилагаются.

О томъ, что *этнографически* галичане образуютъ одинъ народъ вмѣстѣ съ остальными малороссами, а слѣдовательно и съ остальными русскими племенами, говорить здѣсь подробно мы не можемъ, такъ-какъ это завлекло бы насъ слишкомъ въ сторону отъ нашей прямой задачи. Во всякомъ случаѣ, этнографическое единство всѣхъ русскихъ народностей давно признано наукою, даже радикальными представителями ея въ родѣ Пыпина. Но и *историческія судьбы* галичанъ и остальныхъ русскихъ вовсе не такъ ужъ различны и раздѣльны, какъ иногда кажется. Въ составѣ Австріи восточная Галиція находится менѣе 100 лѣтъ; другія русскія области немногимъ болѣе. Для тысячелѣтняго русскаго народа это совершенно незначительный срокъ. Далѣе, не говоря уже о временахъ кіевской и галицкой Руси, и во времена польскаго владычества галичане жили въ области высшихъ духовныхъ интересовъ одной жизнью со всѣмъ народомъ русскимъ. На этотъ счетъ очень хорошо говоритъ графъ В. А. Бобринскій:

„Наравнѣ съ остальной западной Русью, Галичина упорно борется за православіе *противъ поляковъ и іезуитовъ*, огнемъ и мечемъ насаждающихъ латинство и унію". „Ставропигійскій институтъ съ его многомилліоннымъ имуществомъ является старѣйшею твердынею русскаго сознанія въ Галиціи. Русскую печатню Львовскаго ставропигіальнаго братства основалъ самъ „первопечатникъ Иванъ Ѳедоровъ", память котораго поминала недавно вся Россія". „Св. Петръ, первый митрополитъ московскій и всея Руси, пришелъ во Владиміръ на Клязьмѣ, а затѣмъ въ Москву, изъ Галичины, съ береговъ рѣки Рать, и развѣ его когда нибудь считали чужеземцемъ, а не кореннымъ русскимъ? Неужели князь Константинъ Острожскій, или нашъ современникъ, доблестный и приснопамятный отецъ Иванъ Наумовичъ были не русскими людьми?"

О своемъ единствѣ со всѣмъ народомъ русскимъ многократно и торжественно заявляли сами галичане. Уже въ 1848 г. молодой священникъ и ученый А. С. Петрушевичъ издалъ на польскомъ языкѣ брошюру, въ которой онъ заявляетъ, что галицкая Русь есть малая часть общей матери— Руси Нестора, на ряду съ Кіевомъ, Новгородомъ, Суздальщиной, Сѣверщиной и т. д. [1]). Съ тѣхъ поръ подобныя заявленія не умолкали.

Въ 1866 г. львовская газета „Слово" напечатала въ № 59 торжественное заявленіе отъ имени „Русской Рады", заканчивавшееся слѣдующимъ образомъ: „Наступило время перешагнуть и намъ Рубиконъ и сказать откровенно во всеуслышаніе: не можемъ отдѣлятись китайской стѣной отъ нашихъ братей и отдаляться отъ языковой, литературной, церковной и народной связи со всѣмъ русскимъ міромъ. Мы не рутены 1848 г., *мы настоящіе Русскіе*".

22 декабря 1899 г. „Русская Рада" заявляла въ „Галичанинѣ" въ сущности то же самое: „Русская народная партія въ Галичинѣ исповѣдуетъ, на основаніи науки, дѣйствительной жизни и глубокаго убѣжденія, *національное и культурное единство всего русскаго народа*, а посему признаетъ своими

---

[1]) Slow kilka napisanych w obranie ruskiej narodowosci. Lwow. 1848.

плоды тысячелѣтней культурной работы всего русскаго народа".

9 (22) іюня 1909 г. предсѣдатель русскаго клуба въ вѣнскомъ парламентѣ отецъ Василій Давыдякъ между прочимъ говорилъ: „*Русское національное сознаніе* служило нашему народу всегда путеводной звѣздою въ его духовной жизни и это чувство живетъ и донынѣ непоколебимо въ его сердцѣ, не взирая на враждебную агитацію".

Одну изъ своихъ рѣчей въ Державной Думѣ депутатъ Д. А. Марковъ окончилъ, между прочимъ, слѣдующими словами: „*Культурное и національное единство всего русскаго народа* нельзя уничтожить грубыми средствами, примѣняемыми частными лицами, или правительствомъ. Національное самосознаніе какъ въ Галиціи, такъ и въ Россіи, пробужденіе дремлющихъ силъ всего русскаго народа, это — разгорающееся пламя. Это пламя горитъ все ярче и ярче, и придетъ время, когда даже близорукіе политики и низменные доносчики не будутъ въ состояніи потушить это пламя. Скорѣе они обожгутся на немъ. Поэтому мы, представители культурно-національнаго единства всего русскаго народа, смотримъ бодро впередъ на будущее всѣхъ русскихъ вѣтвей, всего русскаго народа. Мы не боимся никого, не боимся ни доносовъ, ни процессовъ за государственную измѣну, ни даже тюремъ австрійскаго правительства".

Наконецъ, и въ междуславянскихъ сношеніяхъ русскій народъ всегда понимался, какъ единое цѣлое. Такъ, *славянскіе соборы* опредѣленно высказались на этотъ счетъ, включивъ представителей какъ Руси свободной, такъ и Руси подневольной въ одну делегацію. „Въ 1908 г. въ Прагѣ", говоритъ одинъ изъ участниковъ съѣзда, „въ первый разъ сошлись Русь державная съ Русью подъяремной. Здѣсь явились не только представители Русскаго государства, какъ это до сихъ поръ бывало, но явились тоже, и въ почтенномъ числѣ, представители подъяремной Червонной Руси". „Русскіе изъ Россіи въ первый разъ чувствовали и видѣли, что у нихъ есть родные братья за рубежомъ, что эти братья всѣмъ своимъ сердцемъ стремятся обнять всю великую Русь и искреннею беззавѣтною любовью любятъ Россію". Такія же рѣшенія были приняты и на послѣднемъ славянскомъ съѣздѣ

въ Софіи лѣтомъ 1910 г. Сказаннаго, думается, достаточно для того, чтобы опровергнуть утвержденіе австрійскихъ политиковъ, что Галицію населяютъ не русскіе, а какой то другой народъ. Обратимся къ нашей непосредственной темѣ, къ гонимому въ Галиціи русскому языку.

Языкъ единаго народа русскаго и есть языкъ русскій. Такъ думаютъ и всѣ русскіе ученые изслѣдователи, вмѣстѣ со всѣмъ народомъ русскимъ, единственнымъ судьей въ дѣлѣ. Подъ выраженіемъ русскій языкъ сыновья Руси лаго державной и Руси подъяремной понимаютъ и всегда понимали — *языкъ всего народа русскаго*, языкъ его прошлаго и настоящаго, во всемъ богатствѣ историческихъ и мѣстныхъ видоизмѣненій и формъ, со всѣми его говорами и нарѣчіями, простонародную рѣчь и художественное слово, весь словесный океанъ, созданный русскимъ духомъ, языкъ русскаго народа въ его цѣломъ и въ отдѣльныхъ частяхъ.

Отдѣльныя русскія нарѣчія, не отказываясь отъ общаго русскаго имени, носили и носятъ, конечно, и *другія названія*, обыкновенно прямо примыкающія къ родовому, какъ малорусскій языкъ, бѣлорусскій, великорусскій. Главныхъ великорусскихъ говоровъ насчитываютъ два—сѣверный и южный; малорусскій же языкъ распадается на цѣлый рядъ говоровъ, нѣкоторые изъ которыхъ, въ свою очередь, носятъ особыя видовыя названія: гуцульское, лемковское, волынское, полтавское и т. д. Особенно большія различія усматриваются именно между разными южно-русскими нарѣчіями; нѣкоторые изслѣдователи ставятъ это въ связь съ особыми этнографическими элементами, вошедшими въ составъ отдѣльныхъ частей малорусскаго народа.

Конечно, какъ и каждый живой языкъ, русскій языкъ *видоизмѣнялся въ теченіе столѣтій и у разныхъ вѣтвей русскаго народа*, но въ отличіе отъ того, что мы видимъ у нѣкоторыхъ другихъ великихъ народовъ, видоизмѣненія эти не касались его основной сущности. Поэтому, современный русскій, даже необразованный, легко пойметъ разговорную русскую рѣчь XII ст., необразованный понимаетъ рѣчь образованнаго, малороссъ, великороссъ и бѣлоруссъ понимаютъ другъ друга съ первыхъ же словъ. Въ то же время, какъ извѣст-

но, гасконецъ не понимаетъ нормандца, швабъ — фриза и т. д.

Читая псковскую судную грамоту, слушая олонецкую былину, восхищаясь малороссійской пѣсней, умиляясь бѣлорусской сказкѣ, ни одинъ русскій не скажетъ, что это не русскій, не родной ему языкъ, *не смѣшаетъ его съ чужимъ языкомъ*, какъ нѣмецкій, французскій и т. д. Извѣстенъ разсказъ, что русскіе солдаты, переваливъ въ 1849 г., подъ начальствомъ Паскевича, Карпаты и двигаясь въ мѣстностяхъ, населенныхъ угорскими русскими, спрашивали жителей береговъ Тисы: „Да есть ли конецъ русской землѣ?“

Во всякомъ случаѣ, точныхъ границъ *ни географическихъ, ни филологическихъ*, даже между главными вѣтвями русскаго языка, великорусской, малорусской и бѣлорусской, не существуетъ. Всюду въ имперіи въ тѣсномъ сосѣдствѣ живутъ представители всѣхъ русскихъ народностей. Всѣ русскіе языки развивались изъ нѣкоторыхъ общихъ основъ въ тѣсномъ взаимодѣйствіи между собой и, въ общемъ, по однимъ и тѣмъ же законамъ. Одна изъ основъ русскаго языковаго единства — полногласіе [1]). Послѣ періода разъединенія и отчужденія, вызванныхъ тяжелыми историческими обстоятельствами, главнымъ образомъ татарскимъ игомъ съ его

---

[1]) По вопросу о полногласіи и о единствѣ русскаго языка не могу не помѣстить здѣсь съ благодарностью справку, которую любезно предоставилъ мнѣ одинъ изъ нашихъ извѣстныхъ спеціалистовъ многоуважаемый коллега Б. М. Ляпуновъ, профессоръ Новороссійскаго Университета. „*Полногласіе*“—самое характерное явленіе русскаго языка, объединяющее всѣ его самыя отдаленныя одно отъ другого нарѣчія, въ противоположность другимъ словянскимъ языкамъ, которымъ это явленіе совершенно чуждо. Оно наблюдается въ словахъ, получившихъ извѣстныя сочетанія гласныхъ съ плавными согласными еще въ языкѣ прасловянскомъ, унаслѣдовавшемъ эти сочетанія отъ праязыка индо-европейскаго. Эти сочетанія въ общей формулѣ могутъ быть выражены, какъ *tort-*, *tolt-*, *tert-*, *telt-*, которыя и измѣнились въ языкѣ прарусскомъ въ *torot-*, *tolot-*, *teret-*, *telet-*, *telot-*, при чемъ подъ *t* разумѣется любой согласный звукъ. Появленіе второго гласнаго послѣ *r* или *l* и называется въ наукѣ о русскомъ яз „полногласіемъ“.

Слѣдующая сравнительная таблица наглядно представитъ отношеніе русскаго яз. къ другимъ словянскимъ въ этомъ пунктѣ:

послѣдствіями и польской неволей, всѣ они, начиная съ

Праслов.	(Пра) русскія.	Старо-ц.-словян.	Сербскія.	Словенскія.	Чешскія.	Польскія.	Литовскія и германскія.
*gòr̄dъ	*góродъ*	градъ	*гра̂д*	grâd	hrad	grod	л. *gar̃das* готск. *gards*
*vòr̄nъ	*вóронъ*	вранъ	*вра̂н*	vrân	vran	—	лит. *war̃nas*
*bor̄dà	*бородà*	брада	*бра́да*	bráda	brada	broda	л. *bardà*
*mòl̄dъ	*мóлодъ, молодóй*	младъ, -ꙑи	*мла̂д, — ӣ*	*mlâd*	mladý	młody	нѣм. *bart* латинск. *barba*
*gol̄và	*головà*	глава	*гла́ва*	*gláva*	hlava	głowa	лит. *galwà*
*bèr̄gъ	*бéрегъ*	брѣгъ	бре̂г (*бри̏јег* Черног. герцег.)	*brêg*	břeh	brzeg	готск. *baírgahei* н. в. нѣм. *berg*
*dèr̄vo	*дéрево*	дрѣво	*дри̏јево* (Черног. и Дубровн.)	*drêvo*	dřevo	drzewo	лит. *derwà* „сосновое дерево“
*čer̄dà	*чередà*	чрѣда	*чре́да*	čréda „стадо“	třída	trzoda „стадо“	лит. *ker̃džius* „пастухъ“
*žèl̄bъ	*жéлобъ*	(*жлѣбъ)	*жле̂б (жли̏јеб)*	žlêb	žlab	żłób	сравн. нѣм. *Hirt* *Herde* гот. *Haírda*
*mel̄kò	*молокò*	млѣко	мле́ко (млијѐко)	mlẹ́ko	mléko	mleko	
*vórna	*ворóна*	врана	вра̏на	vrána	vrána	wrona	лит. *wárna*
*bérza	*берёза*	брѣза	бре̏за	brẹ́za	bříza	brzoza	лит. *bérżas* н. в. нѣм. *birke*
*mórzъ	*морóзъ*	мразъ	мра̏з	mrȁz	mráz	mróz	
*mélti или *mólti	*молóть*	млѣти	мле̏ти	mlẹ́ti	mlíti	mleć	

ž, ź читай какъ *ж*, č — *ч*, ř — *рж* = польск. *rz*, ' — знакъ праслов.

XVII ст., опредѣленно стремятся тѣсно сблизиться и даже вполнѣ слиться между собой [1]).

и сербск. восходящаго ударенія на долгомъ слогѣ, въ чешскомъ долготы, въ польскомъ ó = u, ^ — знакъ сербскаго долгаго нисходящаго удар., ′ — литовскаго долгаго нисходящаго, ˜ — литовск. восходящ. ударенія.

Формы *гражданинъ, младшій, врагъ, прежде, предъ, вредъ* заимствованы въ русскомъ изъ языка ц. словянскаго.

Подробности о происхожденіи русскаго *перваго* только что указаннаго „полногласія“ и „второго“, развившагося позднѣе и сохраняющагося только въ нѣкоторыхъ словахъ (*пóлонъ* изъ древне-русскаго *пълънъ*, которое изъ праруссксаго и праслованскаго *пълнъ*, между тѣмъ какъ старо-ц.-слов. *плънъ, пльнъ*, сѣверно-великорус. *вéрехъ* изъ др. рус. *вьрьхъ*, праруссксаго *вьрхъ*, но имен. ед. женск. р. *полнá*, род. ед. *вéрха*) см. въ трудѣ ак. Шахматова „Къ исторіи звуковъ русскаго языка“ въ „Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго яз. и слов. Импер. Академіи Наукъ“ 1902 г., т. VII, кн. 1, стр. 280—318, кн. 2, стр. 303—326“.

Но кромѣ „полногласія“ русскій яз., какъ особый звуковой типъ въ мірѣ словянскомъ, исконно, т. е. въ доисторической древности, отличался отъ другихъ словянскихъ цѣлымъ рядомъ другихъ особенностей, перечисленіе которыхъ мы имѣемъ въ извѣстныхъ „Лекціяхъ по исторіи русскаго языка“ акад. А. И. Соболевскаго, изд. 4-е (1907), стр. 19—33 (гл. III), и въ обширной статьѣ акад. Шахматова о русскомъ яз. въ Энциклоп. словарѣ Ефрона и Брокгауза, полут. 55, стр. 564—581. По вопросу о единствѣ русскаго языка и о происхожденіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей см. статьи 1) акад. Шахматова „Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей“ (Спб. 1899, отд. отт. изъ Ж. Мин. Нар. Пр. 1899 г., апрѣль), 2) акад. Соболевскаго „Очеркъ русской діалектологіи“ (Живая Старина 1892 г.) и 3) его же „Русскій народъ какъ этнографическое цѣлое“ (Харьковъ, 1907).

[1]) Главнѣйшіе моменты исторіи развитія обще-русскаго литературнаго языка очень хорошо формулированы въ извѣстной резолюціи клуба русскихъ націоналистовъ въ Кіевѣ отъ 12 мая 1908 г. „Въ древнемъ періодѣ (X—XIV в.) въ письменности господствовалъ языкъ церковно-славянскій или такъ-называемый славяно-русскій языкъ, служившій однимъ изъ главныхъ средствъ культурнаго единенія дробныхъ русскихъ племенъ, мелкихъ княжествъ и народоправствъ. Только въ памятникахъ изъ сферы юридической и государственной выступаетъ въ болѣе чистомъ видѣ живая народная рѣчь, притомъ съ различными діалектическими оттѣнками. Однако, въ этотъ періодъ ни одинъ изъ областныхъ діалектовъ не получилъ гегемоніи надъ прочими и не возвысился до роли самостоятельнаго языка. Зато между всѣми ими поддерживался самый живой и непрерывный взаимный обмѣнъ. Въ среднемъ періодѣ (XV—XVII в.), когда Русь въ политическомъ отношеніи дѣлилась на двѣ половины — восточную и западную, московскую и

Мнѣніе, что всѣ русскіе языки составляютъ одно цѣлое, отличающееся многими замѣчательными чертами внутрен-

польско-литовскую, въ каждой изъ половинъ сохраняетъ свое значеніе языка литературнаго языкъ церковно-славянскій, но рядомъ съ нимъ развиваются и къ концу періода получаютъ условную устойчивость два особыхъ, довольно искусственныхъ книжныхъ языка — восточно-русскій и западно-русскій. Сходство между ними заключалось въ томъ, что и тотъ, и другой содержали въ себѣ значительное количество церковно-славянизмовъ, а различіе состояло въ томъ, что въ западно русскомъ языкѣ къ церковно-славянскимъ элементамъ примѣшивались, кромѣ многочисленныхъ полонизмовъ, элементы народныхъ говоровъ, то бѣлорусскихъ, то червонорусскихъ, то украинскихъ, при чемъ послѣдніе, въ концѣ-концовъ, возобладали, а въ восточно-русскомъ церковно-славянская основа рѣчи была испещрена элементами живыхъ великорусскихъ говоровъ, преимущественно московскаго. Дуализмъ этотъ, однако, не мѣшалъ и въ средній періодъ извѣстному взаимодѣйствію областныхъ говоровъ такъ, что не было полной обособленности между восточно-русскимъ и западно-русскимъ книжными языками. Такъ, напр., князь Курбскій, выходецъ изъ Москвы, принималъ дѣятельное участіе въ западно-русской литературѣ, на ряду съ княземъ Острожскимъ, конечно, приспособляясь къ нормамъ мѣстнаго книжнаго языка. Церковно-славянская грамматика западно-русса Мелетія Смотрицкаго (1619 г., въ Вильнѣ), Катихизисъ Лаврентія Зизанія и Краткое исповѣдываніе вѣры (1645 г., Кіевъ) были переизданы въ Москвѣ вскорѣ послѣ появленія оригиналовъ въ предѣлахъ Западной Руси и пользовались широкимъ распространеніемъ на востокѣ не только въ XVII в., но и въ XVIII в. Кіевскіе ученые: Епифаній Славинецкій, Симеонъ Полоцкій, Дмитрій Ростовскій, Стефанъ Яворскій, Ѳеофанъ Прокоповичъ, Гавріилъ Бужинскій, Симеонъ Кохановскій работали въ области литературы въ Москвѣ съ неменьшимъ успѣхомъ, чѣмъ въ Кіевѣ, и содѣйствовали перенесенію въ Москву не только западно-русской учености, но также нѣкоторыхъ особенностей западно-русскаго книжнаго языка. Новый періодъ въ развитіи русскаго образованнаго языка (XVIII XIX в.) ознаменовался прежде всего сліяніемъ западно-русскаго языка съ восточно-русскимъ въ одинъ общерусскій языкъ. Это сліяніе послѣдовало непосредственно за политическимъ соединеніемъ Малороссіи съ Московскимъ царствомъ. Затѣмъ съ Петровской эпохи постепенно прекратился старый книжный дуализмъ въ предѣлахъ Русскаго государства: языкъ дѣловой (грамотъ, актовъ, статейныхъ списковъ, судебниковъ и проч.), пропитанный элементами народныхъ говоровъ, мало-по-малу сливается съ славяно-русскимъ, захватывая вмѣстѣ съ тѣмъ всю область не только государственной и общественной, но и литературной жизни. Дальнѣйшій процессъ развитія русскаго образованнаго языка, завершившійся выработкой того типа его,

няго единства, является *обще-признаннымъ въ наукѣ взглядомъ*. Таково именно единодушное мнѣніе всѣхъ авторитетнѣйшихъ русскихъ специалистовъ: И. И. Срезневскаго, А. А. Потебни, М. А. Колосова, А. И. Соболевскаго, А. А. Шахматова, П. И. Житецкаго, И. Б. Ягича, В. М. Ляпунова, А. И. Томсона, Т. Д Флоринскаго и пр.[1]) Всѣ эти языки образуютъ одну діалектическую группу — русскій языкъ, занимающій среди славянскихъ языковъ мѣсто, подобное тому, которое принадлежитъ польскому, чешскому и другимъ особымъ языковымъ единствамъ. Языкознаніе, такимъ образомъ, подтверждаетъ только выводы этнографіи и исторіи о единствѣ всего русскаго народа.

Единство русскаго языка открыто *провозглашалось*, начиная съ середины XIX ст., также *галичанами*: Добрянскимъ, Малиновскимъ, Зубрицкимъ, Головацкимъ, Наумовичемъ, Духновичемъ и др., за послѣднее время особенно Дудыкевичемъ. Вспомнимъ мужественное заявленіе священника Ив. Наумовича, сдѣланное въ галицкомъ сеймѣ въ 1866 г.: „Сходства нашего языка съ языкомъ всей Руси не уничтожитъ никто на свѣтѣ: ни законъ, ни сеймы, ни министры".

Высшимъ выраженіемъ единства русскаго языка является нынѣ, конечно, разговорный и письменный *литературный или книжный языкъ* русскаго народа. Этотъ языкъ имѣетъ особое право на то, чтобы называться русскимъ; въ отличіе отъ другихъ вѣтвей русскаго языка, онъ является обще-русскимъ. Онъ играетъ въ настоящее время, хотя и въ несравненно болѣе крупныхъ размѣрахъ, ту роль, которая у нашихъ предковъ принадлежала также обще-русскому, или даже обще-славянскому — церковно-славянскому языку.

какой наблюдается въ настоящее время, состоялъ въ томъ, что, благодаря замѣчательной литературной дѣятельности Ломоносова, Карамзина, Крылова, Пушкина и многочисленныхъ ихъ послѣдователей, церковно-славянскіе элементы отошли на задній планъ, уступивъ свое мѣсто стихіямъ живой народной рѣчи" (Резолюція „Клуба русскихъ націоналистовъ" (въ Кіевѣ) по поводу проекта преподаванія въ школахъ Малороссіи на „украинскомъ" языкѣ, принятая общимъ собраніемъ членовъ клуба 12 мая 1908 г.).

[1]) Флоринскій, Нѣсколько словъ о мало-русскомъ языкѣ, с. 10—16.

Какъ и у всѣхъ остальныхъ великихъ народовъ, *въ основу* русскаго литературнаго языка было положено одно *мѣстное нарѣчіе*, именно сѣверо-великорусское, или московское. Вызвано было это исторической необходимостью и обижаться никто, конечно, не могъ и не можетъ, тѣмъ болѣе, что въ нашъ литературный языкъ вошло множество данныхъ и изъ другихъ важнѣйшихъ вѣтвей русскаго языка, особенно изъ малорусскаго, потому что малороссы принимали самое дѣятельное участіе въ выработкѣ нашего общаго книжнаго языка. Можно даже согласиться съ утвержденіемъ, что въ новое время до XVIII в. развитіе русскаго литературнаго языка было цѣликомъ въ рукахъ малороссовъ.

Знаменитые Симеонъ Полоцкій, Дмитрій Ростовскій, Стефанъ Яворскій, Өеофанъ Прокоповичъ были *южно-руссами*. Начало книжной обработкѣ нашего языка дала львовская старопигійская школа; изданная ею въ 1591 г. грамматика послужила основаніемъ для составленія позднѣйшихъ грамматикъ его. Появившаяся въ Вильнѣ въ 1619 г. церковно-славянская грамматика Мелетія Смотрицкаго вскорѣ была переиздана и въ Москвѣ. Этотъ языкъ развивала затѣмъ кіевская школа и передала его съ упроченными грамматическими формами и малорусскимъ правописаніемъ великороссамъ [1]).

Общерусскій языкъ открытъ вліяніямъ мѣстныхъ нарѣчій и въ настоящее время. Движеніе его впередъ совершается и теперь путемъ объединенія мѣстныхъ русскихъ языковъ, нарѣчій и говоровъ, сообразно съ развитіемъ русскаго мышленія. При этомъ и въ XVIII, и въ XIX вѣкахъ *участіе малороссовъ* въ созданіи русскаго языка было и есть поистинѣ громадно. Надо ли напоминать общеизвѣстныя имена: въ XVIII в.—Леванда, Флоринскій, Конискій, Барскій, Богдановичъ; въ XIX в. — Кантемиръ, Капнистъ, Гнѣдичъ, Гоголь, Некрасовъ, Данилевскій, Крестовскій, Чеховъ и сотни менѣе громкихъ.

---

[1]) Интересно, что пресловутая, заставляющая столько страдать нашихъ школьниковъ, буква ѣ сохранена Ломоносовымъ именно для потребностей малороссовъ.

Во всякомъ случаѣ, полезно отмѣтить, что даже тѣ писатели, которые считаются украинскими, какъ Максимовичъ, Костомаровъ, Кулишъ, Потебня, Котляревскій, Мордовцевъ, Антоновичъ, Драгомановъ, писали *на общемъ литературномъ языкѣ*, когда имъ приходилось выступать въ высшихъ родахъ литературной дѣятельности. Многимъ ли также извѣстно, что самъ Шевченко написалъ нѣсколько повѣстей и поэмъ на обще-русскомъ литературномъ языкѣ, и, что особенно интересно, велъ на немъ свой дневникъ, а значитъ, и думалъ на немъ. Украинскіе писатели (Котляревскій, Гулакъ-Артемовскій, Квитка-Основьяненко, Шевченко, Вовчекъ) не задавались цѣлью создать особый, отдѣльный отъ ломоносовскаго, пушкинскаго и гоголевскаго книжный языкъ. [1]).

Объ этой общей работѣ надъ общимъ языкомъ чудеснымъ образомъ говоритъ г. Яворскій: „Какъ въ общую завѣтную житницу, вносили въ него свои лучшіе, чистѣйшіе соки, свои завѣтнѣйшія думы и грезы — и южане, и сѣверяне, велико-, мало-, бѣло- и червонно-россы: Новгородъ, и Вильна, Москва и Галичъ. Отъ всѣхъ концовъ, изъ всѣхъ угловъ необъятной Русской Земли слетались родные звуки и сливались гармонически въ одну стройную, прекрасную великую симфонію, имя которой — русскій языкъ“. „Это — общее, *совмѣстное твореніе всѣхъ русскихъ племенъ* и родовъ, выношенное и выграненное въ общемъ горнилѣ ихъ творческаго духа, духа кіевскихъ тружениковъ и олонецкихъ сказителей, Максима Грека и Іоанна Вишенскаго, Пушкина и Гоголя. Это — завѣтное, неоспоримое и неотъемлемое наслѣдіе всего русскаго народа во всѣхъ его этнографическихъ разновидностяхъ и оттѣнкахъ“. „И тотъ, кто нынѣ, по истеченіи многихъ вѣковъ совмѣстной творческой работы обоихъ главныхъ русскихъ племенъ, хотѣлъ бы вылавливать и выдѣлять въ литературномъ языкѣ индивидуальныя особенности и черты, внесенныя въ него обоими этими племенаии, кто пожелалъ бы располосовать и раздѣлить въ немъ сѣверно-русскіе элементы отъ южно-русскихъ, тотъ задался бы такою

[1]) Будиловичъ, „Къ вопросу о литературномъ языкѣ“ и т. д. стр. 16.

же безумною и невозможною цѣлью, какъ выдѣлить въ сердцѣ ребенка капли крови отца и матери его...“ [1]).

Въ концѣ - концовъ, по справедливому замѣчанію профессора Модестова, мы даже и въ *филологическомъ смыслѣ* имѣемъ право называть русскій литературный и общественный языкъ *обще русскимъ*. Словарь нашего литературнаго языка содержитъ въ себѣ на $^3/_4$ слова, общія главнымъ вѣтвямъ русскаго языка. Подобной близости мы не видимъ въ отношеніяхъ другихъ великихъ языковъ къ ихъ мѣстнымъ говорамъ. Та же близость наблюдается и что касается фонетики, этимологіи и синтаксиса [2]).

---

[1]) Поэтому клубъ русскихъ націоналистовъ въ Кіевѣ имѣлъ полное право, въ своемъ постановленіи отъ 12 мая 1908 г., заявить: „Клубъ русскихъ націоналистовъ въ Кіевѣ находитъ, что обще-русскій книжный языкъ представляетъ собой не только государственный, но и *родной языкъ какъ для малороссовъ, такъ и для великороссовъ и бѣлоруссовъ*. Это положеніе составляетъ такой же безспорный фактъ науки и жизни, какимъ признается племенное единство великороссовъ, малороссовъ и бѣлоруссовъ. Поэтому, русскій южанинъ прекрасно понимаетъ русскаго сѣверянина, и наоборотъ. Поэтому же никогда еще не возникало вопроса о томъ, чтобы при сношеніяхъ малороссовъ съ великороссами требовалась помощь переводчиковъ. Какъ звуковыя, такъ равно и словарныя отличія южныхъ націй отъ сѣверныхъ въ сущности настолько незначительны, что нисколько не препятствуютъ свободному словообмѣну между представителями тѣхъ и другихъ“.

[2]) Докладъ образованной въ 1905 г. Императорской Академіей Наукъ Коммиссіи по вопросу объ отмѣнѣ стѣсненій малорусскаго печатнаго слова, при всѣхъ его внутреннихъ противорѣчіяхъ и явной тенденціи посодѣйствовать развитію украинской литературы, содержитъ въ себѣ и слѣдующія, напр., мѣста: „Нашъ великорусскій литературный языкъ пріобрѣлъ *обще-русское значеніе*: въ извѣстной степени этому содѣйствовало то обстоятельство, что силою вещей онъ сталъ языкомъ государственнымъ; но главнымъ образомъ, это зависѣло отъ культурнаго роста великорусской народности, отъ развитія ея литературы и школьной образованности“. „Книжная рѣчь малорусская вырабатывалась въ XVI и XVII вѣкахъ на основѣ двухъ письменныхъ языковъ – церковно-славянскаго и западно-русскаго, въ свою очередь проникшагося польскими элементами; въ значительно меньшей степени, чѣмъ книжная рѣчь великорусская, она приближалась къ языку народа, и этимъ, прежде всего, объясняется постигшая ее во второй половинѣ XVIII вѣкѣ судьба: она забывается и безъ всякой борьбы уступаетъ *мѣсто великорусскому литературному языку*. Подъемъ куль-

Все это даетъ даже изслѣдователямъ основаніе утверждать, что нашъ литературный языкъ *вовсе не языкъ великорусскій*, но именно общій языкъ всѣхъ частей народа русскаго. Кромѣ не разъ уже приводившагося г. Яворскаго, слѣдуетъ сослаться на такой авторитетъ, какъ проф. Будиловичъ, бывшій также малороссомъ-галичаниномъ. Онъ говоритъ: „Нашъ нынѣшній литературный языкъ *не можетъ быть названъ великорусскимъ* ни по своему происхожденію, ни по составу и строю, ни, наконецъ, по своимъ культурнымъ задачамъ. Наоборотъ, языкъ Ломоносова долженъ быть съ полнымъ правомъ признаваемъ языкомъ обще-русскимъ" [1]).

Подобныя же заявленія дѣлали и другіе галичане. 27 декабря 1866 г. отецъ Иванъ Наумовичъ сказалъ въ галицкомъ сеймѣ отъ имени русскихъ членовъ: „Книжный великорусскій языкъ есть собственно малороссійскій, созданный малороссами. Принимая книжный великорусскій языкъ, мы беремъ возвратно лишь *свое питомое*. Сходства нашего языка съ языкомъ всей Руси не уничтожитъ никто на свѣтѣ, ни законы, ни сеймы, ни министры".

Въ то время, какъ *обще-германскій*, или лютеровъ языкъ былъ дѣйствительно *чужимъ языкомъ* не только въ сѣверной, но и въ южной Германіи, русскій книжный языкъ — свой, родной всѣмъ вѣтвямъ русскаго народа. Онъ имѣетъ, по меньшей мѣрѣ, такое же право на имя русскаго языка, какое принадлежитъ языку французовъ на имя французскаго, ис-

---

туры, образованности, о которомъ мы только что говорили, завершается такимъ образомъ, естественнымъ вытѣсненіемъ книжнаго малорусскаго языка, языкомъ великорусскимъ". Въ другомъ мѣстѣ, однако, записка не видитъ основаній называть и эту литературную рѣчь обще-русскою, „ибо она не представляетъ изъ себя амальгамы, въ которой бы, хотя и неравномѣрно, отразились особенности всѣхъ живыхъ русскихъ нарѣчій" (стр. 26, 27). Никто, конечно, не утверждаетъ, что нашъ литературный языкъ представляетъ собой амальгаму всѣхъ русскихъ нарѣчій. Утверждается только „вліяніе" на него съ ихъ стороны, особенно со стороны малорусскаго, т.-е. то, что записка сама отмѣчаетъ въ слѣдующихъ строкахъ: „Обогащеніе иноязычными элементами, это — цѣль каждаго литературнаго языка.. Но совершенно неизбѣжнымъ становится вліяніе сосѣднихъ языковъ, когда языки эти принадлежатъ родственному племени" (стр. 28, 29).

[1]) Будиловичъ, тамъ-же, стр. 15.

панцевъ на имя испанскаго, итальянцевъ на имя итальянскаго и т. д. Вѣдь, никто же не называетъ французскаго языка — ильдефранскимъ, или испанскаго — кастильскимъ, или итальянскаго — тосканскимъ потому, что первый въ своей основѣ имѣетъ языкъ Иль-де-Франса, langue d'oc, второй — языкъ Кастиліи, а третій — языкъ Тосканы.

Надо ли говорить о томъ, какое *громадное значеніе* имѣетъ такой общій языкъ *для всего народа русскаго.* Галицкое крестьянство называетъ русскій книжный языкъ, въ отличіе отъ своего нарѣчія, языкомъ „твердо-русскимъ", какъ какъ бы желая этимъ выразить, что въ этомъ языкѣ — крѣпость и сила Руси. „Только обладая такимъ языкомъ, нація получаетъ средство какъ для возможно полнаго раскрытія всѣхъ своихъ духовныхъ силъ, такъ и для широкаго участія въ міровомъ культурномъ движеніи; только при такомъ условіи она имѣетъ возможность создать богатую литературу, сдѣлать цѣнные вклады въ науку, а равно упрочить свое политическое имущество и пріобрѣсть нравственное вліяніе среди другихъ большихъ и малыхъ народовъ" [2]).

Относительно значенія общаго литературнаго языка для *каждой русской народности* цитированный уже галицкій писатель говоритъ: „И только, и единственно этотъ языкъ, верховный и основной, единый и общій, родной и близкій всѣмъ русскимъ племенамъ, является для всѣхъ ихъ неотъемлемымъ и обязательнымъ языкомъ образованности и литературы, орудіемъ ихъ общественнаго и духовнаго прогресса!" „И глубоко заблуждаются, и тяжело грѣшатъ тѣ изъ насъ, кто въ своей невѣжественности или злоумышленности отталкиваютъ отъ себя этотъ богоданный, родной языкъ, кто считаетъ его далекимъ и постороннимъ, кто называетъ его московскимъ или великорусскимъ языкомъ. Если, съ одной стороны, никакое изъ русскихъ племенъ не имѣетъ права присваивать себѣ русскій языкъ въ свою исключительную собственность, то тѣмъ болѣе ни одно изъ нихъ не смѣетъ нынѣ отрекаться и отказываться отъ него. Это было бы *изувѣрское самооскопленіе, культурное самоубійство* его,

---

[2]) Флоринскій, тамъ-же, стр. 54.

возвращеніе къ первоначальной тьмѣ, къ первобытному хаосу національнаго бытія.

„Лишившись вдругъ, въ безумномъ порывѣ самодурнаго отреченія, великаго и совершеннаго языка образованности и культуры, выработаннаго вѣками народной жизни и творческой работы многихъ поколѣній, – это несчастное племя возвратилось бы къ косноязычному лепету и жалкому прозябанію своего дѣтства, обрекло бы себя на медленную, но неминуемую національную гибель. Вѣдь, въ наше позднее время нельзя уже и думать о томъ, чтобы можно было *начинать народную жизнь съ начала.* Поздно и немыслимо создавать нынѣ изъ дѣтскаго лепета—культурный языкъ, изъ простой колыбельной пѣсни—особую, жизне-способную литературу“.

Всѣ эти соображенія о русскомъ языкѣ вообще и о литературномъ въ частности настолько просты и убѣдительны, что въ началѣ присоединенія Галиціи къ Австріи именно на этой точкѣ зрѣнія стояло и *само австрійское правительство* [1]). При императорѣ Іосифѣ II русскій языкъ оффиціально назывался въ Галиціи Landes-, Volks—und Nationalsprache [2]). Въ 1784 г. открыть былъ университетъ во Львовѣ, причемъ съ 1787 г. на богословскомъ и философскомъ факультетахъ введено преподаваніе на русскомъ литературномъ языкѣ. Этотъ, такъ называемый, Русскій институтъ упраздненъ въ 1808 г. Львовскій университетъ въ настоящее время въ поль-

---

[1]) Филевичъ, Изъ исторіи Карпатской Руси, стр. 51.

[2]) Русская Рада въ протестѣ отъ 28 февраля 1911 г. по поводу распоряженія о закрытіи русскихъ бурсъ сообщаетъ еще слѣдующія подробности что касается прежняго отношенія австрійскаго правительства къ русскому языку:

„Надворный декретъ отъ 9 марта 1787 г. и рескриптъ губерніума отъ 15 августа 1787 г. № 20468 называютъ языкъ преподаванія нѣкоторыхъ предметовъ въ учрежденномъ бл. п. императоромъ Іосифомъ II львовскомъ университетѣ *„lingua russica, russische Sprache“*. „Надворный декретъ отъ 11 сентября 1806 г. объ учрежденіи гр.-кат. митрополіи во Львовѣ выражается слѣдующимъ образомъ: „Его Величество соблаговолилъ, согласно высочайшему декрету отъ 11 с. м., распорядиться учредить собственную митрополію для русскихъ (Russen) гр.-кат. вѣроисповѣданія въ Галичинѣ и на вѣчныя времена возвысить къ таковой

скихъ рукахъ. Одновременно были учреждены духовныя семинаріи въ Вѣнѣ и Львовѣ съ преподаваніемъ также на русскомъ языкѣ.

гр.-кат. епископство во Львовѣ". „Въ оффиціальныхъ шематизмахъ для королевствъ Галичины и Владимиріи за 1785—1807 гг. постоянно обозначается: преподаваніе въ университетѣ на русскомъ (russisch) языкѣ, цензоръ русскихъ (russische) книгъ, русская (russisch) семинарія во Львовѣ".

Подробности изъ исторіи Львовскаго университета даетъ намъ слѣдующая докладная записка малорусскихъ профессоровъ и доцентовъ этого университета:

„Въ виду того, что университетскій сенатъ обратился въ министерство просвѣщенія съ представленіемъ, направленнымъ къ признанію польскаго характера за львовскимъ университетомъ, русскіе профессора и приватъ-доценты львовскаго университета заявляютъ нижеслѣдующее:

„1. Львовскій университетъ существуетъ, благодаря императору Іосифу II. Введеніе въ этомъ учебномъ заведеніи преподаванія на латинскомъ языкѣ свидѣтельствуетъ, что уже сначала не было это заведеніе—польскимъ. Напротивъ, слѣдуетъ установить, что, когда императоръ Іосифъ II образовалъ въ немъ богословскій и философскій факультеты, то намѣревался такимъ образомъ удовлетворить культурнымъ нуждамъ русскаго общества.

„Уже въ этомъ первомъ періодѣ существованія львовскаго университета, успѣли русскіе (русины) поставить достаточное число знаменитыхъ преподавательскихъ силъ.

„Въ первой половинѣ XIX столѣтія было введено въ львовскомъ университетѣ преподаваніе на нѣмецкомъ языкѣ. Съ цѣлью частичнаго удовлетворенія культурнымъ нуждамъ галицкихъ русскихъ, были образованы въ 1848 г. каѳедры русскаго языка и русской литературы.

„Въ 1859—52 гг. были изданы распоряженія, вводящія преподаваніе богословія, догматики, катехетики и методики на русскомъ языкѣ.

„Въ 1862 г. были систематизированы каѳедры на юридическомъ факультетѣ сначала на русскомъ языкѣ, и только со временемъ были учреждены польскія каѳедры.

„II. Юридическимъ основаніемъ, которое должно быть рѣшающимъ въ вопросѣ національнаго характера львовскаго университета,—являются два высочайшія императорскія постановленія отъ 4 н. ст. іюня 1871 г. и отъ 28 н. ст. апрѣля 1879 г.

„Первое изъ этихъ постановленій признаетъ совершенно ясно за поляками и русскими равное право образованія отдѣльныхъ каѳедръ съ польскимъ или русскимъ преподавательнымъ языкомъ,—и такимъ

Вскорѣ, однако, отношеніе австрійскихъ властей къ русскому языку приняло другое направленіе. „Начиная съ 1816 г.“, читаемъ мы въ приводившемся уже про-

---

образомъ устанавливаетъ утраквистическій характеръ львовскаго университета.

„Вторымъ постановленіемъ нормируется оффиціальный языкъ университетскихъ властей—вводится польскій языкъ во внутреннемъ дѣлопроизводствѣ, въ такихъ границахъ, въ какихъ польскій языкъ допускается у всѣхъ прочихъ государственныхъ властей въ Галичинѣ. Этимъ постановленіемъ совершенно не ограничиваются права русскаго языка во внѣшнемъ дѣлопроизводствѣ, какъ это происходитъ и у другихъ государственныхъ властей въ Галичинѣ.

„Распоряженіемъ министерства просвѣщенія отъ 5 апрѣля 1882 г. не перемѣняется ничего въ этомъ направленіи, такъ какъ оно также признаетъ за русскими право учрежденія русскихъ каѳедръ.

„Слѣдуетъ только сожалѣть о томъ, что компетентные круги не допустили къ осуществленію этихъ правъ, признанныхъ за русскими, и выхлопотали распоряженіе министерства просвѣщенія отъ 20 н. ст. года 1902, ограничивающее права русскаго языка.

„Несмотря на то, что права русскаго языка значительно ограничены, существуетъ здѣсь 10 русскихъ каѳедръ, постоянно увеличивается количество русскихъ преподаваній, а одновременно возрастаетъ также число слушателей и слушательницъ русской народности, превышающее давнымъ-давно тысячу.

„Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, подписавшіеся заявляютъ, что до тѣхъ поръ не откажутся отъ правъ, принадлежащихъ русскому народу и русскому языку въ львовскомъ университетѣ, пока не будетъ осуществлено учрежденіе отдѣльнаго русскаго университета во Львовѣ.

„При этомъ подписавшіеся обращаютъ вниманіе правительства на безусловную необходимость учрежденія уже въ ближайшемъ времени отдѣльнаго русскаго университета. Основаніемъ должна послужить систематизація новыхъ русскихъ каѳедръ, выдѣленіе русскихъ каѳедръ изъ существующаго университета и учрежденіе изъ нихъ отдѣльной автономной институціи.

„Стремленіе къ учрежденію отдѣльнаго русскаго университета, является результатомъ всесторонняго развитія русскаго народа, — оно выросло въ послѣднее время въ стихійную силу, и только осуществленіе безотлагательнаго требованія въ состояніи усмирить умы, возбуждаемые постоянно новыми происшествіями въ родѣ послѣдняго меморіала университетскаго сената, и возстановить нормальныя отношенія.

„Выше приведенный меморіалъ подписанъ: свящ. д-ромъ Бартошевскимъ, д-рами: Днѣстрянскимъ, Добрянскимъ, Грушевскимъ, Колессой, Комарницкимъ, Мышковскимъ, Рудницкимъ, Стебельскимъ, Студинскмм и Віргановскимъ“.

тестѣ Русской Рады отъ 28 февраля 1911 г., „замѣчается въ правительственныхъ кругахъ извѣстное недовѣріе къ галицкимъ русскимъ. Галицкое намѣстничество выражается въ своей докладной запискѣ надворной канцеляріи отъ 13 декабря 1816 г. слѣдующимъ образомъ: „Для просвѣщеннаго, либеральнаго и справедливаго правительства, какимъ является правительство австрійское, не существуетъ политическихъ причинъ, которыя говорили бы противъ допущенія въ Галичинѣ обученія польскому языку въ письмѣ и словѣ. Оно не можетъ и не желаетъ вызывать партій и даже, имѣя въ виду политическіе разсчеты, представляется *болѣе желательнымъ распространить польскую, а не рутенскую* (ruthenisch) *рѣчь, являющуюся только разновидностью* (Abartung) *русскаго* (russische) *языка*“.

„Когда галицкіе русскіе поняли, что оффиціальные круги и государственные политики желаютъ ихъ національность принести въ жертву польскому элементу, тогда народные предводители ихъ, въ частности тогдашній митрополитъ Антоній Ангелловичъ, назвали свою народность „Ruthenen“ и представили ее, какъ *нѣчто отдѣльное отъ русской народности*, надѣясь такимъ образомъ спасти существованіе русской національности въ Галичинѣ. Этимъ путемъ ему удалось провести въ народныя школы въ Галичинѣ по крайней мѣрѣ мѣстное русское нарѣчіе“ [1]).

За послѣднее десятилѣтіе лучшіе представители Галицкой Руси *перестаютъ, однако, скрывать свои истинныя убѣжденія*. Въ предшествующемъ изложеніи были приведены многочисленныя торжественныя заявленія ихъ, начиная съ шестидесятыхъ годовъ, о принадлежности галицкихъ малороссовъ къ составу народа русскаго и о томъ, что они считаютъ своимъ общій русскій книжный языкъ. Приведу еще одно крупное явленіе въ этой области. 26 іюня 1907 г. въ

---

[1]) Дѣйствительно, греко-католическій митрополитъ во Львовѣ, защищая свою галицкую паству и стараясь разсѣять подозрительность австрійскихъ властей, заявлялъ въ 1818 г., что „*русскій языкъ рѣзко отличается отъ мѣстнаго, рутенскаго*“, а въ 1821 г., что „рутенское или малорусское нарѣчіе никоимъ образомъ не слѣдуетъ смѣшивать съ собственно русскимъ (великорусскимъ)“. Филевичъ, тамъ же, стр. 23—4.

Державной Думѣ въ Вѣнѣ произведена была галицко-русскимъ депутатомъ Д. А. Марковымъ нашумѣвшая манифестація въ пользу русскаго языка.

„Въ Вѣнскомъ Парламентѣ“, читаемъ мы въ Новомъ Времени, „установился обычай, по которому большинство нѣмецкихъ депутатовъ произноситъ, обыкновенно, первую фразу рѣчи на своемъ родномъ языкѣ, чтобы такимъ образомъ подчеркнуть и закрѣпить его парламентское гражданство. Такъ поступилъ 26 іюня и галицко-русскій депутатъ Д. А. Марковъ. *Русская рѣчь депутата Маркова* была привѣтствована чехами и другими славянами; поляки воздержались отъ какихъ бы то ни было заявленій, но украинцы страстно запротестовали. Они вскочили со своихъ мѣстъ и начали бросать по адресу д. Маркова оскорбленія: „измѣнникъ“, „подлецъ“, „отступникъ“, „москаль“; украинскій же депутатъ Старухъ, указывая на Маркова, обратился къ предсѣдательствующему Жачку со словами: „Эта собака говоритъ по-русски“. Чехи пытались возстановить свободу слова, но тщетно. Жачекъ уступилъ требованіямъ украинцевъ и не позволилъ Маркову продолжать рѣчь на томъ основаніи, что русскій языкъ въ Австріи не употребляется“. Такимъ образомъ еще разъ покрыли себя позоромъ ренегаты русскаго дѣла — украинцы [1]).

---

[1]) „Д-ръ Марковъ старался послѣ, въ пространной рѣчи на нѣмецкомъ языкѣ, отстоять *права русскаго языка,* ссылаясь на то, что здѣсь каждый гражданинъ имѣетъ право говорить на своемъ языкѣ, что за кандидатовъ русской партіи было на послѣднихъ выборахъ подано до 200.000 голосовъ, за украинскихъ всего только на 70.000 болѣе (отношеніе же избранныхъ депутатовъ 5 : 27), что съ самаго присоединенія Галиціи къ Австріи, на основаніи червонно-русскаго государственнаго права, тамъ развивалась литература, издавались газеты, журналы на литературномъ русскомъ языкѣ, который пріобрѣлъ всѣ права гражданства и является въ Галиціи обиходнымъ, что въ Буковинѣ живетъ до 7 тысячъ великороссовъ-старообрядцевъ. Но все это помогло мало. На слѣдующій день, на запросъ втораго русскаго депутата, д-ра Глѣбовицкаго, по поводу этого правонарушенія, предсѣдатель палаты Вейскирхнеръ одобрилъ образъ дѣйствія Жачека, заявляя, что „по нынѣшнему законоположенію русскій языкъ не принадлежитъ еще въ Австріи къ языкамъ „обиходнымъ“. Опять взрывъ апплодисментовъ

Кстати сказать, подобная же попытка завоевать для русскаго литературнаго языка право гражданства была сдѣлана *въ галицкомъ сеймѣ* депутатомъ В. Ѳ. Дудыкевичемъ. *Въ венгерскомъ парламентѣ* русскій языкъ уже признанъ, какъ языкъ мѣстной народности.

Первая русская рѣчь въ австрійскомъ парламентѣ превратилась въ крупное событіе въ жизни Австріи. Вопросъ *о значеніи русскаго языка* сталъ обсуждаться на собраніяхъ и съѣздахъ русскихъ и славянскихъ дѣятелей. Имъ стали интересоваться широкіе слои разныхъ славянскихъ народовъ Австріи. Особенно живой откликъ вызвала она во всей Галиціи.

Русскіе въ Галиціи и Буковинѣ требовали на вѣчахъ признанія *политическихъ правъ единаго русскаго литературнаго языка* наряду съ другими славянскими языками въ Австріи. Повременныя изданія сообщали крайне интересныя подробности пробужденнаго ею движенія. „Одинъ Богъ на небѣ, одна Русь на свѣтѣ. Мы родились и умремъ русскими, не были и не будемъ украинцами". Такъ заявили многочисленныя народныя вѣча въ Угорцахъ, Серетѣ, на Княжей горѣ древняго Галича и въ другихъ мѣстахъ. На вѣчѣ въ Галичѣ австрійскіе жандармы должны были защищать украинскихъ депутатовъ (Лехницкаго и Бачинскаго) отъ весьма чувствительныхъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, проявленій народнаго негодованія. 26 ноября украинскій депутатъ М. Петрицкій устроилъ народное вѣчѣ въ гор. Скалатѣ. Но лишь только онъ произнесъ: „Мы, украинскій народъ", какъ раздалась громкіе крики: „Вонъ съ Украйною. Мы не позволимъ украсть у себя русское имя!".

„Съ началомъ новой парламентской сессіи стали поступать въ Вѣну на имя русскихъ депутатовъ письма, петиціи,

---

украинскихъ депутатовъ. Это поведеніе послѣднихъ вызвало, однако, осужденіе со стороны настоящихъ украинцевъ изъ Россіи. „Случайно", пишетъ Новое Время, „на этомъ засѣданіи присутствовали въ ложахъ для публики два депутата-малоросса изъ послѣдней Государственной Думы, кажется, даже члены сколоченной Грушевскимъ украинской громады. И вотъ они поспѣшили засвидѣтельствовать депутатамъ Маркову и Глѣбовицкому свое глубокое возмущеніе по поводу недостойнаго образа дѣйствій своихъ галицкихъ единомышленниковъ".

заявленія отъ отдѣльныхъ лицъ и отъ цѣлыхъ общинъ о признаніи правъ гражданства за обще-русскимъ языкомъ въ школѣ, администраціи и судѣ. *Свыше 67.000 подобныхъ петицій было* въ краткое время подано въ вѣнскій парламентъ. Затѣмъ не менѣе было послано ихъ и въ львовскій сеймъ. Списокъ однѣхъ общинъ, сдѣлавшихъ подобныя заявленія, занималъ въ „Галичанинѣ" почти цѣлый столбецъ. На этомъ же языкѣ поступили на имя депутата Маркова и формальныя петиціи о мѣстныхъ дѣлахъ" [1]).

Русскіе стали требовать учрежденія *школъ съ русскимъ языкомъ*. Возникла мысль о народныхъ университетахъ для систематическаго ознакомленія галицкаго общества съ русской литературой, исторіей, общественностью и государственностью, о посылкѣ галицкихъ студентовъ въ русскіе университеты [2]). Стремленіе къ усвоенію русскаго книжнаго языка,

---

[1]) „Такъ, на общемъ собраніи русскаго «Народнаго Дома» во Львовѣ по предложенію вождя русско-народной партіи въ Галиціи, д-ра В. Θ. Дудыкевича, было рѣшено: 1) учредить частную русскую гимназію съ русскимъ литературнымъ языкомъ преподаванія, 2) взять, по окончаніи договора съ чинами ордена Базиліанокъ, отданное имъ въ аренду зданіе въ свое управленіе и открыть въ немъ русское женское средне-учебное заведеніе и 3) учредить, кромѣ того, по возможности, русскую учительскую семинарію. Осуществленіе этихъ постановленій имѣло бы, помимо Галиціи, большое значеніе и для всего славянства, такъ какъ изъ этихъ очаговъ русскаго просвѣщенія вышелъ бы кадръ учителей русскаго языка, а въ нихъ, по мѣрѣ возникновенія новыхъ «Русскихъ кружковъ», въ Австріи ощущается все большій недостатокъ". Къ сожалѣнію, большинство изъ этихъ начинаній не осуществилось, главнымъ образомъ, вслѣдствіе отсутствія средствъ.

[2]) Депутатъ Марковъ внесъ въ парламентъ предложеніе объ учрежденіи лектуры русскаго языка въ вѣнскомъ и каѳедръ русскаго языка и литературы въ львовскомъ и черновецкомъ университетахъ. Лектура русскаго языка въ вѣнскомъ университетѣ, впрочемъ, и теперь существуетъ, но поставлена въ матеріальномъ отношеніи въ столь унизительное положеніе, что заранѣе исключена возможность занятія ея сколько либо подходящимъ лицомъ. Давъ согласіе на учрежденіе лектуры русскаго языка, австрійское министерство народнаго просвѣщенія отклонило отъ себя всякое участіе въ поддержкѣ этого новаго „экзотическаго" славянскаго домогательства, великодушно предоставивъ лектору русскаго языка право взиманія гонорара въ размѣрѣ двухъ кронъ 20 геллеровъ, т. е., 88 копѣекъ въ семестръ съ каждаго слушателя. Конечно, при такихъ условіяхъ лектура должна влачить самое жалкое существованіе („Прикарпатская Русь").

къ изученію русской словесности, исторіи и образованности, опять-таки въ связи съ указанными событіями, *стихійно захватило* не только студенческія общества во Львовѣ, Черновцахъ и Вѣнѣ, но и широкіе круги гимназической молодежи и сознательнаго крестьянства [1]). Привожу въ заключеніе петицію, поданную въ вѣнскую Думу жителями разныхъ частей Галиціи и резюмирующую всѣ вообще требованія галичанъ въ области языка.

„Высокая палата! Галицко-русскій народъ по своему историческому прошлому, культурѣ и языку стоитъ въ тѣсной связи съ заселяющимъ смежныя съ Галиціей земли малорусскимъ племенемъ въ Россіи, которое вмѣстѣ съ великорусскимъ и бѣлорусскимъ составляетъ цѣльную этнографическую группу, т. е., русскій народъ. Языкъ этого народа, выработанный тысячелѣтнимъ трудомъ всѣхъ трехъ русскихъ племенъ и занимающій въ настоящее время одно изъ первыхъ мѣстъ среди остальныхъ міровыхъ языковъ, *Галицкая Русь считала и считаетъ своимъ* и за нимъ лишь признаетъ исключительное право быть языкомъ ея литературы, науки и вообще, культуры. Доказательствомъ этого является тотъ фактъ, что за права этого языка у насъ, въ Галиціи боролись такіе выдающіеся дѣятели, какъ епископы: Яхимовичъ и Іосифъ Сембратовичъ, ученые и писатели: Зубрицкій, Наумовичъ, Площанскій, Добрянскіе, Устьяновичъ, Дѣдицкій, Головацкій, Петрушевичъ, Гушалевичъ, изъ младшихъ же - Залозецкій, Свистунъ, Хилякъ, Мончаловскій, Иванъ Левицкій, Дудыкевичъ, братья Марковы, Вергунъ, Яворскій, Свя-

[1]) Литературный языкъ въ средѣ образованныхъ русскихъ рѣшительно замѣняетъ собой рутенское язычіе и украинскій жаргонъ. Это наблюдается не только въ городахъ, но и въ деревняхъ. Въ 1908 г. „Галичанинъ“ сообщалъ, что въ Галичинѣ болѣе 300 мѣстъ и деревень заявили, что они признаютъ своимъ языкомъ русскій. Уже въ настоящее время въ Галиціи существуетъ на общемъ русскомъ книжномъ языкѣ богатая литература, какъ изящная, такъ и ученая, какъ книжная, такъ и повременная. Особенно памятнымъ въ исторіи движенія въ защиту русскаго языка въ Австріи останется 1909 г. „Ничуть не стѣсняясь, можно сказать, что за послѣдній годъ у насъ, въ направленіи пріобщенія нашего общества русской культурѣ и русскому національному духу, сдѣлано гораздо больше, нежели въ предыдущіе шесть десятковъ лѣтъ“ „(Прикарпатская Русь“).

титскій, Глѣбовицкій, Глушкевичъ, Полянскій и многіе другіе. Обще-русскій литературный языкъ у насъ, въ Галиціи въ повсемѣстномъ употребленіи. Галицко-русскія общественныя учрежденія и студенческія общества во Львовѣ, въ Черновцахъ, въ Прагѣ, въ Вѣнѣ ведутъ пренія, протоколы и переписку на русскомъ литературномъ языкѣ. На этомъ языкѣ у насъ издавна издавались и сейчасъ издаются ежедневныя и повременныя изданія, какъ то: „Слово", „Проломъ", „Червонная Русь", „Галицкая Русь", „Галичанинъ", „Бесѣда", „Страхопудъ", „Изданія Галицко-Русской Матицы", „Русская Библіотека", „Живое Слово", „Живая Мысль", „Славянскій Вѣкъ", „Изданія Общества имени Михаила Качковскаго", расходящіяся въ сотняхъ тысячъ экземплярахъ. Ссылаясь на вышеизложенное, высокая палата изволитъ признать законодательнымъ порядкомъ за обще-русскимъ языкомъ права гражданства въ предѣлахъ королевствъ и земель, представленныхъ въ вѣнскомъ парламентѣ, ввести русскій языкъ, какъ преподавательный, въ начальныхъ школахъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и прочихъ училищахъ русской части Галиціи, что будетъ содѣйствовать поднятію низкаго уровня образованія въ этихъ школахъ; приступить къ разработкѣ вопроса относительно основанія русскаго университета во Львовѣ, безотлагательно же учредить при львовскомъ университетѣ каѳедры русскаго литературнаго языка, русской литературы и исторіи русскаго права".

Послѣ всего сказаннаго можно оцѣнить по достоинству нелѣпыя утвержденія, что никакого общаго русскаго языка нѣтъ, что для галичанъ русскій книжный языкъ — чужой языкъ и пр. На нашихъ глазахъ этотъ чужой языкъ творитъ въ Галиціи дѣйствительное чудо. Русское слово даетъ новую жизнь погибавшей вѣтви русскаго народа. Объ этомъ прекрасно говоритъ депутатъ Д. Марковъ въ № 629 „Прикарпатской Руси" за 1911 г.: „Русское литературное слово, русская книжная рѣчь у насъ, въ Галиціи, это и есть *рычагъ, поднявшій старинную русскую скалу, приваленную и засоренную грязью и мутью чужихъ потоковъ*, чужихъ наносныхъ теченій. А разъ мы мужественно ухватились за этотъ идейный нашъ рычагъ, разъ мы сдвинули съ мертвой точки скалу и передвинули ее на широкое и видное мѣсто, какъ фунда-

ментъ національнаго зданія, на которомъ красуется національное единство всего русскаго народа, такъ для насъ возврата нѣтъ... Лучше погибнуть съ честью за достояніе нашихъ отцовъ—единство русской культуры и силы, чѣмъ, въ угоду врагу, бросать твердую и сильную позицію. „Мертвые—они срама не имутъ"...

Какъ ни убѣдительны всѣ эти факты и соображенія, въ Галиціи вопросъ о русскомъ языкѣ получаетъ особое направленіе. Русскіе имперскіе должны знать, что австрійское правительство поставило себѣ цѣлью создать *для галицкихъ малороссовъ новый книжный языкъ.* Уже со втораго десятилѣтія прошлаго вѣка оно настойчиво рекомендуетъ галичанамъ мѣстный народный говоръ, какъ единственный органъ ихъ литературной дѣятельности [1]). Въ настоящее же время, какъ мы видѣли, употребленіе русскаго книжнаго языка въ Галиціи безпощадно преслѣдуется и австрійскіе чиновники работаютъ надъ обращеніемъ языка галицкихъ малороссовъ въ особый литературный языкъ. Этимъ путемъ они думаютъ воздвигнуть стѣну между Русью державной и Русью подъяремной. Къ участію въ этой работѣ имъ удалось привлечь и нѣкоторыхъ изъ малороссовъ южной Россіи. Вопросъ стоитъ поэтому въ связи съ вопросомъ о значеніи и о будущемъ малорусскаго языка вообще.

Малорусскій языкъ одинъ изъ *древнихъ русскихъ языковъ.* Признаки существованія малорусскаго языка находятъ уже въ XII ст. (Е. Ф. Коршъ, А. И. Соболевскій, А. А. Шахматовъ), а нѣкоторые (проф. Крымскій) даже въ XI. Кромѣ того, предполагаютъ, что нѣкоторыя племена, указанныя въ лѣтописи Нестора, были малорусскими. Отъ XIV же столѣтія остались уже несомнѣнные памятники малорусскаго языка.

По своимъ даннымъ послѣдній, несомнѣнно, *могъ бы развиться въ одинъ изъ великихъ литературныхъ языковъ* Европы, но этого не случилось и теперь, казалось бы, начинать передѣлывать исторію и поздно, и невозможно, и безцѣльно, въ особенности если мы вспомнимъ, что малороссы, совокупными усиліями съ великороссами, создали уже одинъ вели-

---

[1]) Филевичъ, тамъ же, стр. 95.

кій литературный языкъ. По этому поводу позволю себѣ привести слѣдующія слова проф. Модестова, къ которымъ нельзя не присоединиться.

„Спора нѣтъ, малороссійскій языкъ—прекрасный языкъ, звучный, гармоничный, задушевный, выразительный. Я вполнѣ понимаю и цѣню любовь ученыхъ малороссовъ къ своему родному языку. Такой языкъ стоитъ того, чтобы его не только любить, но и хранить, даже развивать, насколько это возможно. Но это языкъ—народный, языкъ деревни, который,—увы,—не имѣетъ никакихъ шансовъ сдѣлаться когда нибудь языкомъ науки и литературы наравнѣ съ обще-русскимъ языкомъ. Невозможно это для него не потому, чтобы онъ по самой природѣ своей былъ лишенъ всякихъ данныхъ для широкаго литературнаго развитія или научной опредѣленности. Невозможно это для него потому, что въ данномъ вопросѣ *уже совершился приговоръ исторіи:* русскій народъ уже обладаетъ превосходнымъ, богатѣйшимъ въ мірѣ языкомъ, вполнѣ обработаннымъ не только для литературнаго, но и для научнаго употребленія. А двухъ обще-литературныхъ языковъ въ странѣ не бываетъ. Народныя думы и пѣсни, произведенія даровитыхъ народныхъ поэтовъ, какъ Шевченко, драматическія произведенія народнаго характера, шутливые и серьезные разсказы изъ народной жизни, наконецъ, пословицы и поговорки, вотъ—истинная сокровищница малороссійскаго языка, но вмѣстѣ съ тѣмъ и предѣлъ, который перейти для него трудно и даже, строго говоря, невозможно. Какія бы усилія ни дѣлались радѣтелями этого языка, чтобы поднять его, хотя бы еще на одну ступень, они ни къ чему не приведутъ, они будутъ напрасными. Напрасными они будутъ потому, что будутъ направлены противъ силы вещей, противъ рока. И тѣ, кто говоритъ это,—не враги, а друзья малороссійскаго языка, враги же его, хотя и безсознательные, напротивъ, тѣ, кто хочетъ навязать ему роль неестественную, противорѣчащую исторіи и ничѣмъ неотвратимымъ стремленіемъ міровой культуры“ [1]).

И возможно ли, вообще, заниматься вопросомъ о новомъ литературномъ языкѣ въ такое время, какъ переживаемое

---

[1]) Сказано по поводу археологическаго съѣзда въ Кіевѣ въ 1898 г. Статья въ „Одесскомъ Листкѣ“. 1898.

русскимъ народомъ нынѣ, когда *требуется напряженіе всѣхъ народныхъ силъ* для того, чтобы вывести нашу общую родину на широкую дорогу общечеловѣческаго развитія? Вѣдь, созданіе новаго живаго литературнаго языка потребовало бы долгихъ лѣтъ труда, участія массы работниковъ, отвлекло бы вниманіе народа отъ неотложныхъ задачъ текущей жизни въ сторону, несомнѣнно, великой идеальной задачи, но совершенно, при данныхъ условіяхъ, напрасной, безполезной [1]).

Въ этомъ смыслѣ высказывались даже такія лица, какъ Костомаровъ и самъ Драгомановъ [2]) Вотъ, напр., слова проф. Костомарова: „Поднимать малорусскій языкъ до уровня образованнаго литературнаго въ высшемъ смыслѣ, пригоднаго для всѣхъ отраслей знанія и для описанія человѣческихъ обществъ въ высшемъ развитіи, была мысль соблазнительная, но ея *несостоятельность* высказалась съ перваго взгляда". Вопросъ о созданіи втораго русскаго литературнаго языка, вообще, много разъ изучался, съ разныхъ точекъ зрѣнія, и всѣ, кто разсматривалъ его безъ предвзятой или задней мысли, приходили къ отрицательнымъ заключеніямъ. Такъ, г. Струве, справедливо ставя вопросъ о языкѣ въ связь съ вопросомъ о культурѣ народа вообще, говоритъ слѣдующее:

„Гегемонія русской культуры въ Россіи есть плодъ всего историческаго развитія нашей страны и фактъ совершенно естественный. Я не знаю, возможно ли преодолѣть и разрушить этотъ фактъ. Во всякомъ случаѣ такая работа въ моихъ глазахъ всегда будетъ представляться *колоссальной растратой исторической энергіи населенія Россійской Имперіи*. Ибо не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что поста-

---

[1]) Въ этомъ отношеніи правъ нашъ извѣстный публицистъ С. И. Сыромятниковъ, когда онъ пишетъ: „Попытки создать малорусскую и бѣлорусскую литературу суть попытки археологическія, кабинетныя. Живому человѣку, занятому дѣломъ, а *въ Россіи дѣла становится все больше и больше*, невозможно думать объ изобрѣтеніи новаго языка, когда онъ владѣетъ языкомъ, понятнымъ, по крайней мѣрѣ, 149 милліонамъ русскимъ гражданамъ изъ 160".

[2]) См. Флоринскій, стр. 53. — Н. И. Костомаровъ, Малороссійская литература, въ сборникѣ Н. В. Гербеля, Поэзія славянъ. Спб. 1871. Стр. 162.

новка въ одинъ рядъ съ русской культурой другихъ, ей равноцѣнныхъ, созданіе въ странѣ множества культуръ, такъ сказать, одного роста, поглотитъ массу средствъ и силъ, которыя при другихъ условіяхъ пошли бы не на націоналистическое размноженіе культуръ, а на подъемъ культуры вообще. Я глубоко убѣжденъ, что, напр., созданіе средней и высшей школы на малорусскомъ языкѣ было бы искусственной и ничѣмъ не оправдываемой растратой психическихъ силъ населенія, ибо историческое соотношеніе между русской (великорусской) и малорусской культурой сложилось такъ, что русскій („великороссъ") можетъ быть культурнымъ участникомъ національной жизни и образованнымъ человѣкомъ, не понимая вовсе малорусскаго языка, но „малороссъ", не понимающій русскаго языка, просто еще безграмотный въ національномъ и государственномъ отношеніи, еще не прочелъ національно-государственнаго букваря".

Образованіе втораго книжнаго русскаго языка могло бы нанести непоправимый вредъ обще-русскому дѣлу. Приведу мнѣнія двухъ авторитетнѣйшихъ спеціалистовъ. Проф. Флоринскій пишетъ: „Появленіе особаго литературнаго и образованнаго языка для части русскаго народа имѣло бы отрицательное значеніе въ исторіи Руси. Оно вносило бы въ ея духовную жизнь литературный сепаратизмъ или расколъ, разрывало бы созданное вѣками культурное единство народа, создавало бы *помѣхи широкому развитію его умственной дѣятельности*, ослабляло бы его политическое могущество" [1]).

Совершенно въ томъ же смыслѣ высказывается и проф. Будиловичъ: „Оказывая должное вниманіе русскимъ просторѣчіямъ, въ томъ числѣ и украинскимъ, Россія не можетъ, однако, сочувствовать отдѣленію сначала Червонной Руси, а затѣмъ и нашей Украины отъ литературнаго единенія на почвѣ языка обще-русскаго, такъ какъ этотъ разрывъ не только ослабилъ бы русскую литературу и народность, но и *подвергъ бы серьезной опасности политическое, церковное, общественное и вообще культурно-историческое единство Россіи*, а съ тѣмъ вмѣстѣ и ея высокую роль въ рѣшеніи очередныхъ

---

[1]) **Флоринскій, Тамъ же, стр. 56.**

міровыхъ вопросовъ, какъ представительницы цѣлой, именно, восточной половины христіанскаго человѣчества [2]).

Таково же мнѣніе и клуба русскихъ націоналистовъ въ Кіевѣ: „Ковка новыхъ общественныхъ и литературныхъ языковъ была бы дѣломъ самоубійственнымъ для народнаго духа, и противорѣчила бы современному стремленію не только отдѣльныхъ народовъ, но и цѣлыхъ группъ человѣчества къ возможно тѣсному взаимному сближенію".

Всѣ вышеприведенныя данныя и соображенія настолько убѣдительны, что для дѣйствительно образованнаго русскаго, будь онъ малороссъ, бѣлоруссъ, или великороссъ, даже *вопроса о второмъ русскомъ книжномъ языкѣ не должно бы существовать.* Языковое единство народа русскаго—главное основаніе духовнаго могущества всей Руси, главная ея надежда на будущее. Уничтоженіе этого единства принесло бы гибель для всѣхъ вѣтвей русскаго народа.

Если и можетъ быть о чемъ либо *вопросъ*, то лишь о *той, болѣе или менѣе важной, роли*, какую въ частной, общественной и государственной жизни слѣдуетъ предоставить народнымъ: малорусскому, бѣлорусскому и др. языкамъ? Дѣйствительно, изъ сказаннаго выше никакъ не надо дѣлать заключенія, что всѣ мѣстные русскіе языки должны быть прямо уничтожены, или хотя бы преслѣдуемы. Рядомъ съ общимъ русскимъ языкомъ извѣстное мѣсто въ жизни можетъ быть, несомнѣнно, отведено и мѣстнымъ русскимъ языкамъ, Языки эти близки и дороги каждому русскому и братскія чувства, которыя неразрывно связываютъ всѣ три вѣтви народа русскаго, помогутъ рѣшить указанный вопросъ разумно и справедливо.

Вопросъ объ области употребленія народныхъ языковъ разрѣшается тѣмъ легче, чѣмъ тверже мы будемъ помнить, что малороссы и бѣлоруссы такія же державныя вѣтви русскаго народа, какъ и великороссы, что *малорусскіе и бѣлорусскіе нарѣчія или языки* ни въ какомъ случаѣ не должны быть поставлены *въ иное положеніе, чѣмъ великорусскіе народные нарѣчія или языки*, положимъ, вологодскій, московскій и пр., и, наконецъ, что русскій книжный языкъ—общее со-

---

[2]) Будиловичъ, „Къ вопросу", стр. 31.

зданіе и достояніе всѣхъ вѣтвей русскаго народа. При такой постановкѣ вопроса въ особой внѣшней, такъ сказать, регламентаціи онъ и не нуждается. Само собой сложится такъ, что простонародные языки будутъ употребляемы всегда и всюду, когда и гдѣ почему либо, чаще всего по недостатку образованія, не могутъ прибѣгнуть къ книжному языку, между тѣмъ народный языкъ, по своимъ даннымъ, оказывается достигающимъ цѣли, и только. Конечно, простонародные говоры будутъ употреблять, какъ и простонародные наряды, обыкновенно жители деревень, но каждому русскому надо предоставить право употреблять его народный языкъ всюду, гдѣ въ томъ встрѣтится надобность. Въ то же самое время, однако, необходимо пресѣкать соотвѣтствующими средствами всякія попытки искуственно создавать какой либо новый книжный русскій языкъ и не содѣйствовать примѣненію народныхъ говоровъ внѣ области ихъ естественнаго и, поэтому, необходимаго употребленія. Главное средство, при помощи котораго слѣдуетъ бороться съ нелѣпымъ увлеченіемъ идеей втораго русскаго языка, конечно, свободное обсужденіе вопроса съ привлеченіемъ къ нему всѣхъ дѣйствительно авторитетныхъ спеціалистовъ. Правительство и общество въ сознаніи важности дѣла должны умѣть организовать подобное обсужденіе. Въ то же самое время, какъ сказано, ни правительственныя, ни общественныя организаціи, въ томъ числѣ и школы, не должны ни прямо, ни косвенно содѣйствовать расширенію области примѣненія народныхъ говоровъ.

Словомъ, вопросъ съ высоты принципіальныхъ разсужденій сводится *на почву простой цѣлесообразности*. Именно въ этомъ смыслѣ высказывались, какъ мы видѣли, и сами галицкіе малороссы, участвовавшіе въ литературной дѣятельности въ Россіи и въ Галиціи, и проф. Модестовъ, и всѣ вообще лица, подходившія къ вопросу безъ задней мысли [1]).

[1]) Галицко-русская матица на учредительномъ собраніи своемъ въ 1849 г. рѣшила: „Всѣ дѣла, призначенныя до просвѣщенія общенароднаго, издавати и печатати надобѣ, сколько возможно, *тѣмъ языкомъ, якій живе въ устахъ народа;* противно же дѣла высшой науки, до круга читательства литературно образованнаго принадлежащія, издати *на языцѣ письменномъ*, который мае начало своего развитія въ далекой минувшости, а который ошибочно чисто россійскимъ называютъ“ (Филевичъ, тамъ же, стр. 103).

Съ изложенными соображеніями несогласны лишь австрійскіе чиновники, работающіе надъ обращеніемъ малорусскаго языка въ новый книжный языкъ, и ихъ немногочисленные послѣдователи изъ русскихъ и галицкихъ малороссовъ. Дѣйствительныя намѣренія всѣхъ этихъ господъ, однако, вполнѣ открываются, какъ только мы присмотримся къ тому, *въ какомъ направленіи они работаютъ*.

Казалось бы, сторонникамъ идеи втораго русскаго языка, разъ уже браться за ея осуществленіе, слѣдовало бы *черпать нужныя данныя для обогащенія украинской мовы изъ другихъ русскихъ языковъ*, т. е., идти тѣмъ путемъ сближенія родственныхъ языковъ, на который указываетъ сама жизнь, опытъ всего человѣчества и наука. Всюду мы видимъ, какъ языки одного и того же происхожденія и одной и той же исторіи постепенно сближаются и сливаются другъ съ другомъ [1]).

---

[1]) По этому вопросу газета „Прикарпатская Русь" совершенно основательно говоритъ слѣдующее: „Если кто нибудь пожелаетъ малорусское нарѣчіе поднять выше того уровня, который опредѣленъ ему его теперешнимъ состояніемъ развитія, т. е., пожелаетъ изъ этого языка домашняго обихода и мѣстной литературы сдѣлать языкъ науки, тогда онъ непремѣнно долженъ пополнять недостающіе научные термины изъ другаго источника. Этимъ источникомъ можетъ быть *исключительно только литературный русскій языкъ*, ибо, прибѣгая къ другому, не русскому, а чужому, напр., польскому языку, мы просто искажаемъ самое нарѣчіе и превращаемъ его или живьемъ въ этотъ чужой, въ данномъ примѣрѣ польскій языкъ, или въ никому непонятный жаргонъ".

О томъ, что въ этомъ вопросѣ только что приведенные выводы науки вѣрны, свидѣтельствуетъ сама дѣйствительность. Еще въ 1851 г. появилась оффиціальная малорусская юридически-политическая терминологія (Juridisch-politische Terminologie für die slavischen Sprachen Oesterreichs. Deutsch-ruthenische Ausgabe. Wien. 1851), въ которой цѣлая масса техническихъ словъ заимствована, вѣрнѣе выражаясь, просто взята изъ литературнаго русскаго языка. Иначе, вѣдь, оно быть не могло и быть не можетъ, какъ сейчасъ, такъ и въ будущемъ. Ту-же убѣдительную дѣйствительность мы видимъ и въ малорусскомъ, вышедшемъ въ Галичинѣ, словарѣ Желеховскаго и въ словарѣ Гринченко. Именно въ духѣ сближенія малорусскаго языка съ русскимъ книжныъ языкомъ работалъ и Шевченко. Поэтому-то произведенія его доступны всѣмъ грамотнымъ русскимъ („Прикарпатская Русь").

Но современные радѣтели втораго русскаго языка, вмѣсто этого, стараются лишь о томъ, чтобы дать такую обработку украинскому, или рутенскому языку и, прежде всего, такой словарь, которые создали бы пропасть между нимъ и общимъ литературнымъ языкомъ, и языками другихъ частей народа русскаго [1]). Оно и понятно. „Изъ многочисленныхъ документовъ, хранящихся какъ въ львовскомъ, такъ и въ вѣнскомъ архивахъ, явствуетъ, что уже съ 1772 г., т. е., со времени присоединенія Галичины къ Австріи, мѣстное начальство и центральное правительство были постоянно озабочены тѣмъ, что все крестьянство и духовенство, а также часть мѣщанства говоритъ на „рутенскомъ языкѣ", который есть *лишь нарѣчіе русскаго языка* (nur eine Abartung der russischen ist)".

Близость галичанъ къ имперскимъ русскимъ всегда была кошмаромъ для Австріи. Уже въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣковъ австрійскіе дѣятели испытывали ужасъ предъ возможностью заявленія притязаній на Галичину со стороны Россіи [2]). Въ 1775 г. латинскій архіепископъ Галиціи Сѣраковскій обвинялъ въ Вѣнѣ *русскихъ галичанъ въ тяготѣніи къ „схизмѣ и къ Россіи"* [3]). Кличъ о русской опасности у Карпатъ одна изъ любимыхъ современныхъ темъ австрійскихъ имперіалистическихъ органовъ въ родѣ Danzers-Armee-Zeitung, Reichspost и пр. Этотъ то страхъ и есть главный источникъ разныхъ австрійскихъ мѣропріятій по отношенію къ галицкимъ малороссамъ и ихъ языку.

Реформаторы малорусскаго языка берутъ нужныя имъ *данныя изъ языковъ нѣмецкаго, польскаго и даже латинскаго* и совершенно засоряютъ ими прекрасный народный языкъ, обращая его въ какое то неудобоваримое мѣсиво изъ несогласимыхъ составныхъ частей. Такія латинскія словечки,

---

[1]) Здѣсь мнѣ невольно припоминается интересная встрѣча, которую я имѣлъ во время послѣдней всемірной выставки въ Парижѣ съ симпатичнымъ украинцемъ, русскимъ проф. Ч. Онъ только что посѣтилъ Львовъ и былъ въ восторгѣ отъ всего видѣннаго. „Какъ они работаютъ, сколько они сдѣлали", восторгался онъ. „Какое богатство языка. Сколько новыхъ словъ. Сижу на засѣданіи товарищества имени Шевченко *и ничего не понимаю...*"

[2]) Филевичъ, тамъ же, стр. 20.

[3]) Филевичъ, тамъ же, стр. 10.

какъ квестія, колумнія, сатисфакція, денунціація, институція, субвенція, донація, кавція и пр., и пр., увы, отнюдь не способны обогатить бѣдную мову, они только уродують ее. То же самое надо сказать о заимствованіи польскихъ словъ, въ родѣ: праця, квота, вага, увага, мова и т. д.

При этомъ надъ обогащеніемъ украинскаго языка одновременно стараются и въ Австріи, и въ Россіи; одновременно сочиняются, *по меньшей мѣрѣ, два новыхъ украинскихъ языка*, одинъ болѣе жалкій, чѣмъ другой. Вѣрнѣе же будетъ сказать, что каждое украинское изданіе и чуть не каждый украинскій писатель имѣетъ свой особый литературный языкъ. Надо помнить, что малороссійскихъ говоровъ, какъ уже сказано, нѣсколько и различія между ними ничуть не меньше, а нерѣдко и гораздо больше, чѣмъ между каждымъ изъ нихъ и русскимъ литературнымъ языкомъ. Получается, словомъ, полная неразбериха. Украинцы, какъ замѣтилъ какъ то В. С. Кривенко, сами себя перехитрили. Создаваемый ими якобы литературный жаргонъ, въ родѣ еврейскаго, является чуждымъ, прежде всего, большинству малороссовъ, которые въ массѣ прямо его знать не хотятъ, такъ какъ понимаютъ съ бо̀льшимъ трудомъ, чѣмъ общій книжный языкъ [1]).

Объ этомъ свидѣтельствуютъ сами украинцы. Вотъ что мы читаемъ, напр., у одного изъ нихъ: „Наша интеллигенція похожа на тѣхъ актеровъ въ поганенькихъ украинскихъ театрахъ, которые на сценѣ „базикаютъ“ по-украински, а за

[1]) Клубъ русскихъ націоналистовъ въ Кіевѣ имѣлъ поэтому полное право заявить 12 мая 1908 г., что „украинскій“ языкъ, о введеніи котораго хлопочутъ 37 членовъ Государственной Думы, созданъ въ послѣднее десятилѣтіе галицкими украинофилами, съ г. Грушевскимъ во главѣ. „Онъ построенъ совершенно искусственно на почвѣ той обильной польской примѣси, которая внѣдрилась въ малорусскіе говоры во время многовѣковаго подчиненія Малороссіи и юго-западнаго края политическому главенству Польши, и не только по духу, но и по словарю, фразеологіи и синтаксису стоитъ ближе къ языку польскому, нежели къ русскому. *Жители южно-русскихъ селъ совершенно не понимаютъ этого уродливаго языка*, въ чемъ каждый можетъ убѣдиться собственнымъ опытомъ“. „Книги и газеты на украинскомъ языкѣ не находятъ себѣ читателей не только въ малорусскихъ селахъ, но даже и среди интеллигенціи“.

кулисами „тнутъ“ по-русски, — она только въ оффиціально-партійной обстановкѣ пользуется украинской „мовой“... вообще же нашего языка интеллигенція, въ большинствѣ своемъ не знаетъ и балакаетъ на какомъ то *макаронномъ нарѣчіи*, конкуррируя съ жаргономъ дворниковъ и городовыхъ“ [1]).

Въ концѣ-концовъ, достигается одинъ несомнѣнный результатъ: *отчужденіе украинской мовы отъ другихъ русскихъ языковъ*. Радѣтели малорусскаго народа хотятъ и въ этомъ случаѣ продѣлать съ нимъ то, что продѣлывается съ его народнымъ именемъ: украсть у него сокровище, несомнѣнно ему принадлежащее, созданное его трудомъ, его геніемъ и подсунуть ему фальшивую монету.

Русь, говоритъ г. Энгельгардтъ, *дѣйствительно раскалывается*. Пророчество Пушкина, что слухъ о немъ пройдетъ по всей Руси великой и назоветъ его всякъ сущій въ ней языкъ, оказывается не основательнымъ. Не только „другъ степей калмыкъ“, но будто бы и „25 милліоновъ украинцевъ“ отказываются считать родными и способными удовлетворить ихъ духовныя потребности языкъ и литературу—великорусскіе.

Не довольствуясь столь своеобразнымъ пополненіемъ словаря новаго русскаго языка, австрійскіе чиновники не упускаютъ изъ виду и другихъ преградъ, которыя возможно воздвигнуть въ той же области между галицкими русскими и остальной Русью. Такъ, уже въ 1816 г. была поднята рѣчь *о замѣнѣ кириллицы латыницей*. Съ тѣхъ поръ борьба за введеніе латыницы не прекращается. Особенно старался ввести эту реформу намѣстникъ Галиціи графъ Голуховскій. Въ 1859 г. Голуховскій безъ всякихъ стѣсненій заявлялъ, что латынская азбука предлагается для противодѣйствія россійскому вліянію. „Галичане не сдѣлали-де ничего для того, чтобы надлежащимъ образомъ обособить свой языкъ отъ великорусскаго, и потому теперь за это вынуждено взяться правительство“ [2]).

---

[1]) См. очеркъ г. Рыбальки: „Націонализація жизни и наша партія“ въ украинскомъ сборникѣ: „На темы дня“. Львовъ. 1911. (Переводъ „Прикарпатской Руси“).

[2]) Филевичъ, тамъ же, стр. 150.

Но всѣ эти старанія не привели ни къ чему, благодаря рѣшительному противодѣйствію со стороны галичанъ. Уже въ тридцатыхъ годахъ русская, точнѣе сказать церковно-славянская, азбука получила значеніе народнаго знамени [1]). Въ концѣ-концовъ, послѣ многолѣтней борьбы изъ нея *изгнали лишь буквы: ъ, ь, ѣ, ы.* Употребленіе ихъ считается въ Австріи признакомъ политической неблагонадежности.

Столь же малоуспѣшна была борьба австрійскихъ властей *противъ русскаго шрифта, такъ называемой гражданки.* Выбирая изъ двухъ золъ меньшее, Голуховскій своей властью запрещаетъ въ іюлѣ 1859 года печатать что-либо русской гражданкой, допуская въ типографіяхъ только церковно-славянскій шрифтъ. Въ настоящее время, однако, обще-русскій гражданскій шрифтъ во всеобщемъ употребленіи въ Галиціи, равно какъ и *русская скоропись,* также одно время преслѣдовавшаяся [2]).

Больше успѣха имѣли австрійскіе чиновники *съ замѣной историческаго этимологическаго правописанія, спеціально изобрѣтеннымъ для малороссовъ, фонетическимъ.* Первый опытъ въ этомъ отношеніи былъ сдѣланъ тѣмъ же умѣлымъ и послѣдовательнымъ врагомъ русскаго народа и языка польскимъ патріотомъ Голуховскимъ. Въ 1859 г. онъ предписалъ всеобщее употребленіе правописанія, изобрѣтеннаго русскимъ ренегатомъ-чиновникомъ Черкавскимъ. Но эта попытка не удалась. Фонетика или кулишовка, какъ ее зовутъ въ Галиціи по имени выписаннаго изъ Россіи украинофила Пантелеймона Кулиша, была окончательно введена лишь въ 1892 г. по настояніямъ Бадени и теперешняго намѣстника Галиціи Бобржинскаго при помощи простаго министерскаго циркуляра.

Сдѣлано это было вопреки формальному обѣщанію вѣнскаго правительства отъ 13 марта 1861 г., гарантировавшаго русскому населенію его исконную орѳографію. Въ объясненіе необходимости этой реформы Бадени и Бобржинскій

---

[1]) Филевичъ, тамъ же, стр. 34.

[2]) Интересно, что сказали бы поляки, если бы Россія ввела въ школахъ Ломжинской и Плоцкой губерній преподаваніе не общепольскаго, а мазурскаго языка и мазурскую готическую азбуку-швабахъ?

писали въ вѣнское министерство въ 1892 г. отъ имени краеваго училищнаго совѣта слѣдующее: „Такъ какъ исторически-этимологическое правописаніе сближаетъ Галицкую Русь съ русскимъ народомъ въ Россіи, а *фонетика отдѣляетъ Галицкую Русь отъ остальной Руси*, то было бы желательно упраздненіе историческаго русскаго правописанія и введеніе на его мѣсто фонетики".

Со стороны галицкихъ русскихъ былъ данъ *рѣшительный отпоръ* этому насильственному нововведенію. Его осудило многотысячное народное собраніе, созванное „Русскою Радою" 2 февраля 1892 г. во Львовѣ. Противъ него былъ посланъ въ министерство протестъ съ 50 тысячами подписей интеллигентовъ и просвѣщенныхъ крестьянъ. Но, конечно, протесты цѣли не достигли. Такія же петиціи, сотни петицій съ десятками тысячъ подписей подавались въ галицкій сеймъ въ 1908 г. и также безрезультатно. Фонетика была введена.

Терпя пораженія въ отдѣльныхъ пунктахъ своей программы, австрійское правительство въ общемъ, однако, торжествуетъ, будемъ надѣяться, временно. На основѣ якобы народнаго языка мѣстнаго населенія создается безсмысленный якобы литературный жаргонъ. Онъ признается однимъ изъ языковъ *администраціи, суда и политической жизни*. Въ 1891 — 94 годахъ фонетика и украинскій языкъ окончательно вводятся въ низшихъ школахъ, гимназіяхъ и университетѣ.

Объукраиваніемъ школы была исполнена, въ сущности, старая мечта австрійскихъ дѣятелей. Еще въ 1866 г. Gazeta Narodowa писала: „Если изъ русскихъ рукъ будетъ вырвана русская школа, тогда только въ Галичинѣ возникнетъ настоящая *анти-русская Русь*, связанная уніей съ поляками, крѣпкій валъ для Австріи противъ Россіи".

Самый главный успѣхъ австрійскихъ политиковъ состоитъ приэтомъ въ томъ, что они съумѣли *заинтересовать* вопросомъ о новомъ русскомъ книжномъ языкѣ нѣкоторые *малорусскіе круги* не только въ Галиціи, но и въ Россіи. Такимъ образомъ, имъ удалось пріобрѣсти добровольныхъ сотрудниковъ изъ числа лицъ, не понимающихъ, куда собственно и кто ихъ ведетъ?. Для того, чтобы лучше взять въ

свои руки вождей украинства, австрійцы,—не говоря уже о болѣе элементарныхъ средствахъ, какъ мѣста, оклады, чины и пр.,—соблазняютъ ихъ мечтой о великой роли, которую украинцы могутъ съиграть въ исторіи. Украинцамъ разныхъ партій и толковъ преподносится заманчивая мечта объ особомъ украинскомъ государствѣ, или, по крайней мѣрѣ, о самостоятельной Украинѣ, отъ Карпатъ до Кавказа. И у многихъ закружилась голова.

Спокойное наблюденіе происходящаго должно было бы, однако, привести галицкихъ малороссовъ къ совершенно другому отношенію къ вѣнскимъ соблазнамъ. Для посторонняго наблюдателя политика Австріи вообще и по отношенію къ украинскому языку спеціально—совершенно ясна. Государственные люди ея ведутъ народы этой имперіи къ *поглощенію ихъ, такъ или иначе, нѣмецкой стихіей*, а двуединое государство къ присоединенію, въ той или другой формѣ по крайней мѣрѣ въ той или другой части, къ общему нѣмецкому отечеству. Славяне — народъ навозъ, а Австро-Венгрія — унавоженная нива, на которой подготовляется новый расцвѣтъ германства. Этимъ объясняется отношеніе и къ украинскому языку.

Судьбы украинскаго языка, сами по себѣ, для вѣнскихъ маккіавелли, *совершенно безразличны*, но, дѣйствуя соотвѣтствующимъ образомъ, они стремятся, при помощи украинскаго языка, къ торжеству своихъ основныхъ цѣлей. Украинскому языку Австрія покровительствуетъ вовсе не настолько, чтобы онъ могъ дѣйствительно укрѣпиться и расцвѣсть, а лишь настолько, насколько это требуется политическими задачами этой державы. На все это давно уже указано многими лицами.

„Путеводною нитью всѣхъ этихъ распоряженій является искусственное и насильственное удаленіе этого языка отъ нормъ обще-русскихъ и сближеніе его съ польскими... При послѣдовательномъ проведеніи этихъ началъ *русинскій языкъ настолько, наконецъ, сблизится съ польскимъ*, что потеряетъ всякое raison d'être и сольется съ послѣднимъ, въ духѣ идей польско-русской уніи“ [1]).

---

[1]) Будиловичъ, „Къ вопросу“, стр. 21.

„Русинскій языкъ разсматривается, лишь какъ авангардъ для вторженія чужихъ языковъ, какъ особый пріемъ для полонизаціи одной части русскаго Прикарпатья, мадъяризаціи — другой, а въ болѣе отдаленной перспективѣ — для *германизаціи или іюдеизаціи обѣихъ*" [1]).

Совершенно такъ же, какъ и въ Австріи, относится правительство къ русскому языку и въ Венгріи. Только въ Венгріи правительство культивируетъ сознательно *омадъяренные* и нарочно испорченные угро-русскіе говоры, тогда какъ въ Австріи создаютъ новый ополяченный языкъ. Совершенно то же самое, надо сказать, дѣлаютъ пруссаки по отношенію, положимъ, къ мазурамъ, издавая для нихъ газеты на испорченномъ, именно *онѣмеченномъ*, польскомъ языкѣ и ведя ихъ, такимъ образомъ, къ полному исчезновенію въ нѣмецкомъ морѣ.

Этимъ-то и объясняются *всевозможныя помѣхи*, которыя встрѣчаютъ украинцы, какъ только пытаются добиться серьезныхъ уступокъ для украинскаго языка. Среднихъ школъ съ украинскимъ языкомъ, по сравненію съ числомъ польскихъ, очень немного. Въ университетъ украинскаго языка почти вовсе не пускаютъ [2]). Не такъ давно поляки не постѣснялись даже устроить „кровавую баню" украинскимъ студентамъ, осмѣлившимся протестовать противъ исключительно польскаго характера львовскаго университета. Факты этого рода встрѣчаются на каждомъ шагу. Въ настоящее время, правда, поляки склоняются къ тому, чтобы дать галицкимъ малороссамъ отдѣльный университетъ, но лишь какъ „таранъ противъ Россіи". Въ польской печати и на собраніяхъ совершенно открыто обсуждается вопросъ, какъ получше устроить, чтобы этотъ университетъ служилъ не поднятію

[1]) Будиловичъ, „Къ вопросу", стр. 23.

[1]) Такъ, академическій совѣтъ львовскаго университета запретилъ доктору Грушевскому читать курсъ русской и русинской литературы на „руськомъ" языкѣ. Грушевскій обратился съ жалобой къ министру народнаго просвѣщенія и вѣроисповѣданій, но министръ отвѣтилъ ему, что, такъ какъ оффиціальнымъ языкомъ львовскаго университета считается польскій языкъ, онъ не можетъ удовлетворить его просьбу.

образованости малороссовъ, а насажденію среди нихъ національнаго сепаратизма... [1]).

---

[1]) Къ сожалѣнію, многіе изъ галицкихъ малороссовъ до сихъ поръ не отдаютъ себѣ отчета въ томъ, чего, собственно, думаютъ достигнуть при ихъ содѣйствіи? Тяжело видѣть, какъ они искусно завлекаются въ австрійскую недобросовѣстную игру, еще тяжелѣе, — какую *пропасть* успѣли уже общіе враги вырыть *между галицкими украинцами и остальными русскими.* Трудно представить себѣ ту жалкую роль, какую играютъ при этомъ украинцы.

„Украинская литература проникнута", читаемъ мы у проф. Будиловича *„ренегатской враждой* къ русской церкви, литературѣ и государству" (Будиловичъ, „Къ вопросу"... стр. 26). Особенно, конечно, достается отъ украинцевъ галичанамъ, признающимъ родство малороссовъ съ остальными русскими племенами.

На украинскихъ собраніяхъ не разъ заявлялось, что теперь Австріи жандармовъ не нужно, теперь сами украинцы будутъ истреблять москвофиловъ, что каждый украинецъ долженъ отнынѣ стать народнымъ жандармомъ и указывать, кто москаль. И прекрасно исполняли, говоритъ графъ Бобринскій, *роль жандармовъ и сыщиковъ* украинцы и ихъ печать. Проповѣдь украинства залила Прикарпатскую Русь волною анархіи и дикаго хулиганства.

Въ одномъ изъ засѣданій вѣнскаго рейхстага украинцы запросили правительство барона Бинерта: „1) Сознаютъ ли высшіе факторы Австрійскаго государства, что исповѣданіе культурнаго и *языковаго единства русскаго народа въ Австріи съ русскимъ народомъ въ Россіи* необходимо вызоветъ со временемъ стремленіе къ соединенію Галиціи съ Россійской Имперіи? 2) Сознаетъ ли правительство, что если государственная власть проявляетъ терпимость къ политической партіи, которая среди русскаго народа въ Австріи проповѣдываетъ культурное и языковое единство съ русскимъ народомъ въ Россіи, то этимъ власть подготовляетъ *государственную измѣну въ пользу Россіи* и становится соучастникомъ преступленія государственной измѣны въ виду Австріи?.." Вотъ когда, именно по адресу украинцевъ, съ особымъ правомъ можно повторить отвѣтъ А. С. Хомякова на вопросъ: „Галичъ, гдѣ твои сыны?"

„Горе, горе, ихъ спалили
Польши дикіе костры,
Ихъ сманили, ихъ плѣнили
Польши шумные пиры.
Мечъ и лесть, обманъ и пламя
Ихъ похитили у насъ,
Ихъ ведетъ чужое знамя,
Ими правитъ чуждый гласъ".

Участіе украинцевъ, нашихъ родныхъ братьевъ, въ походѣ противъ общаго литературнаго языка отдается въ нашемъ сердцѣ, конечно, гораздо болѣзненнѣе, чѣмъ всѣ иностранные и инородческіе выпады. Не будемъ, однако, смущаться гнусными воплями и клеветами измѣнниковъ русскому дѣлу. *Правое дѣло, несомнѣнно, восторжествуетъ,* хотя до этого много еще придется перенести испытаній всему русскому народу.

Малороссовъ подвергаютъ обработкѣ не только со стороны австрійскихъ властей. Украинство нашло себѣ руководителей и помощниковъ во всѣхъ соперникахъ и врагахъ русскаго народа. Начать съ того, что среди вождей галицкихъ украинцевъ чуть ли не большинство *евреи*. Въ чемъ тутъ дѣло, откровенно объясняетъ, между прочимъ, еврейскій націоналистъ Жаботинскій. Онъ пишетъ:

„Вопросъ о томъ, *суждено ли россійскому еврейству ассимилироваться, или суждено развиваться, какъ особой національности,* зависитъ, главнымъ образомъ, отъ общаго вопроса о томъ: куда ведутъ пути развитія Россіи,—къ національному государству или къ государству національностей? Разрѣшеніе же спора о національномъ характерѣ Россіи почти всецѣло зависитъ отъ позиціи, которую займетъ тридцатимилліонный украинскій народъ. Согласится онъ обрусѣть—Россія пойдетъ по одной дорогѣ, не согласится—она волей-неволей пойдетъ по другому пути". При этомъ онъ точно разсчитываетъ, что, пока великороссы, бѣлоруссы и малороссы солидарны, они составляютъ подавляющее большинство населенія Имперіи, ихъ 65% и судьба ея въ ихъ рукахъ. Если же удастся ихъ разъединить, удастся убѣдить, что Россія, собственно,—Великороссія, а Украйна и Бѣлая Русь—чуждыя ей націи, то русскихъ останется всего 43%, значитъ (значитъ ли?) — *конецъ національной или русской Россіи.*

Далѣе, какъ уже видно изъ предыдущаго, гоненіе на русскій языкъ въ Австріи происходитъ, если не углубляться въ суть вещей, собственно, не со стороны нѣмецкаго центральнаго правительства, а со стороны польскихъ краевыхъ властей, такъ какъ вопросы этого рода относятся къ области краеваго самоуправленія, которое находится въ рукахъ

поляковъ. Все предпріятіе препоручено, такимъ образомъ, полякамъ. Поляки и прилагаютъ великое рвеніе къ тому, чтобы быть на высотѣ призванія. *Главными гонителями русскихъ галичинъ* вообще и русскаго языка въ особенности *были польскіе намѣстники Галиціи* — Голуховскій, Бадени, Потоцкій, Бобржинскій.

Объясняется это не только желаніемъ поляковъ выслужиться передъ Вѣной, но и тѣмъ, что намѣренія австрійскаго правительства совпали, въ данномъ случаѣ, съ давними мечтами самихъ поляковъ. Старый уже рецептъ сепаратистскаго движенія 1863 года ставилъ цѣлью польской справы: „*натравить русскаго на русскаго* (puścić rusina na rusina)". Знаменитое завѣщаніе генерала Мѣрошевскаго предлагало создать антирусскую Русь. „Бросимъ огни и бомбы за Днѣпръ и Донъ, въ самое сердце Руси; пусть разоряютъ, опустошаютъ и губятъ Русь; возбудимъ ссоры въ самомъ русскомъ народѣ, пусть онъ разрываетъ себя собственными когтями. По мѣрѣ того, какъ онъ ослабляется, мы крѣпнемъ и растемъ" [1]).

Наконецъ, отмѣтимъ, что въ своихъ отношеніяхъ къ украинству Вѣна дѣйствуетъ, повидимому, вполнѣ солидарно съ Берлиномъ. Можно даже думать, что она вдохновляется прямыми указаніями этого послѣдняго. Во всякомъ случаѣ, поляки, которымъ и карты въ руки во всемъ, что касается украинскаго движенія, указываютъ именно на *Берлинъ, какъ на первоисточникъ украинства*, и ставятъ это въ связь съ извѣстной мыслью Бисмарка о великомъ княжествѣ Кіевскомъ (Grossfürstenthum Kiew). Нѣкоторые утверждаютъ даже, что въ берлинскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ имѣется особый столъ и особый столоначальникъ этого княжества [2]).

---

[1]) Многочисленныя заявленія поляковъ показали, что для нихъ вопросъ объ особомъ украинскомъ народѣ, особомъ украинскомъ языкѣ и о самостійной Украинѣ отнюдь не теоретическій вопросъ, а очередный вопросъ ихъ практической политики, что украинцы должны играть въ ихъ рукахъ роль той пѣшки, которой они думаютъ сдѣлать шахъ и матъ Россіи. „Украина погубила Польшу", сказалъ однажды извѣстный польскій писатель Сенкевичъ, „*Украина же погубитъ и Россію*"

[2]) Польскія газеты постоянно подчеркиваютъ также явное брат-

Послѣ всего сказаннаго становится понятно дѣйствительное значеніе и происхожденіе всѣхъ этихъ утвержденій, что никакого русскаго, или обще-русскаго языка нѣтъ, что имѣются только языки великорусскій, украинскій и бѣлорусскій, что мазепинцы или украинцы—особая нація, великорусскаго языка не понимающая, что украинскій языкъ долженъ стремиться получить самостоятельную литературную обработку и пр. *Идейные руководители* украинства и ихъ дѣйствительныя цѣли теперь вполнѣ обнаружены.

Къ затѣѣ создать новый русскій языкъ можно было бы отнестись совершенно спокойно, какъ къ явно мертворожденному предпріятію, сожалѣя только, что нашлись лица, задавшіяся цѣлью уродовать прекрасный малороссійскій народный языкъ, если бы не открылось, что она стоитъ *въ связи съ далеко идущими планами, остріе которыхъ направлено противъ всего народа русскаго и государства русскаго,* этого высшаго выразителя единаго народа русскаго, если бы не обнаружились весьма странные вдохновители этого движенія и весьма подозрительные источники его жизни и дѣятельности. Вопросъ о созданіи втораго русскаго языка является, оказывается, частью глубоко и всесторонне обдуманныхъ разсчетовъ [1]), о которыхъ русское общество слишкомъ мало освѣдомлено, причемъ играетъ только служебную, для достиженія другихъ, болѣе важныхъ цѣлей, роль.

Въ вопросѣ этомъ, оказывается, замѣшаны крупные

ство по оружію *между украинскими и берлинскими повременными изданіями,* даже по такимъ вопросамъ, какъ извѣстныя происшествія въ Вржеснѣ, принудительное отчужденіе польскихъ земель въ Познани и т. д. Статьи украинскихъ газетъ, въ родѣ львовскаго Діла, нерѣдко производятъ на поляковъ впечатлѣніе плохо переведенныхъ съ нѣмецкаго черновика. Съ своей стороны, нѣмецкая печать Галиціи всегда признавала, что украинцы ведутъ себя durchaus deutschfreundlich.

[1]) Литература вопроса сравнительно очень велика. Привожу наиболѣе доступныя работы:

Графъ В. Бобринскій. Пражскій съѣздъ, Чехія и Прикарпатская Русь. Спб. 1909.

А. Будиловичъ. Къ вопросу о литературномъ языкѣ юго-западной Руси. Юрьевъ. 1900.

Его же. Общеславянскій языкъ въ ряду другихъ общихъ языковъ древней и новой Европы. Т. I и II. Варшава. 1892.

Его же. О единствѣ русскаго народа. Спб. 1907.

дѣятели современной международной и государственной политики. Въ немъ переплетаются сложныя, большею частью враждебныя Россіи, вліянія. Ближайшимъ образомъ заинтересованной является, конечно, Австро-Венгрія, но украинство входитъ, какъ одинъ изъ важныхъ моментовъ въ общій, мастерски составленный планъ движенія нѣмцевъ на востокъ и югъ Европы. Его же считаетъ однимъ изъ своихъ главныхъ козырей всероссійская непримиримая инородчина.

М. Грушевскій. Украинцы. См. сборникъ: Формы національнаго движенія въ современныхъ государствахъ. Стр. 307—330. Спб. 1910.

Его же. Украинство въ Россіи. Спб. 1906.

Его же. Освобожденіе Россіи и украинскій вопросъ. Спб. 1907.

С. Гогоцкій. Украйнофильство. Кіевъ. 1882.

А. Добрянскій. Nomenclation der oesterreichisch - ungarischen Russen. Wien.

Императорская Академія Наукъ. Объ отмѣнѣ стѣсненій малорусскаго печатнаго слова. Спб. 1912.

Ѳ. Коршъ. Въ борьбѣ за родной языкъ. „Утро Россіи“. 1911.

П. Кулаковскій. Русскій языкъ и литература подъ судомъ въ Австро-Венгріи. Вильна. 1900.

І. Ливчакъ. О современномъ раздвоеніи культурныхъ направленій въ общественной жизни Галицкой Руси. Спб. 1903.

О. Молчановскій. Литературное и политическое украинофильство. Львовъ. 1908.

А. Новина. Бѣлоруссы. См. сборникъ: Формы національнаго движенія въ современныхъ государствахъ. Стр. 383—395. Спб. 1910.

Споръ о русской азбукѣ (соч., излагающее суть и значеніе этимологическаго и фонетическаго правописанія). Львовъ.

П. Струве. Что такое Россія? „Русская Мысль“. 1911. I, стр. 175.

Его же. Общерусская культура и украинскій партикуляризмъ. „Русская Мысль“. 1912. Январь. I, стр. 65.

Старый Украинецъ. Украинскій книжный языкъ и общерусская культура. „Украинская Жизнь“. 1912. Кн. I, стр. 40—55.

И. Филевичъ. По поводу теоріи двухъ русскихъ народностей. Львовъ. 1902.

Его же. Изъ исторіи Карпатской Руси. Варшава. 1907.

Г. Флоринскій. Нѣсколько словъ о малорусскомъ языкѣ (нарѣчіи) и о новѣйшихъ попыткахъ усвоить ему роль органа науки и высшей образованности. Кіевъ. 1899.

М. Чацкій и Л. Рыбалка. На темы дня. Львовъ. 1911.

Ю. В. Ж. Съѣздъ галицко - русскихъ ученыхъ и ихъ языковыя пренія. Львовъ. 1898.

Наконецъ, масса свѣдѣній по данному вопросу содержится въ превосходной львовской русской газетѣ „Прикарпатская Русь“ за разные года. Я широко пользовался ею.

Украинцы являются въ массѣ лишь жертвами тонко разсчитанныхъ ходовъ европейской политики. Поэтому всякій ложный шагъ въ отношеніи втораго русскаго языка и охраны нашего историческаго народнаго языка можетъ имѣть неисчислимыя вредныя послѣдствія. Въ этомъ вопросѣ, какъ въ одномъ изъ важнѣйшихъ и для настоящаго, и для будущаго, надлежитъ не увлекаться чувствами и громкими фразами, а тщательно и всесторонне взвѣшивать дѣйствительныя народныя нужды и пользы и на охранѣ ихъ стоять безъ всякаго колебанія, и безъ излишнихъ сантиментовъ.

Мы здѣсь, въ державной, въ свободной Руси должны помнить, что галичане, защищая наше общее русское дѣло, не колеблются и позицій не сдаютъ. „*Половините себе не дамо*", говорятъ прикарпатскіе крестьяне. „Перебули мы панщину, пребудемъ и конституцію". И имъ можно вѣрить. Не даромъ они поютъ:

„Мы, Червонной Руси дѣти,
„Пятьсотъ лѣтъ стоимъ въ борьбѣ.
„У насъ нѣтъ друговъ-сусѣдей,
„Только Богъ и мы одни.
„Мы еще не побѣдили,
„Но и врагъ не побѣдилъ!"

Но пора и всему русскому народу подняться во весь свой богатырскій ростъ, вздохнуть свободной грудью и смѣло взглянуть яснымъ взоромъ въ коварные очи недруговъ. Пора поднять свое сознаніе до уровня русской дѣйствительности, „*взять свою честь на всѣхъ мѣстахъ*" [1]).

Закончу прекрасными словами графа В. А. Бобринскаго: „Мы, русскіе державной Руси, не можемъ болѣе оставаться безучастными и нѣмыми зрителями этой упорной и вѣковой защиты русскаго имени, русскаго слова...

„Русское Прикарпатье исполнило свой долгъ, теперь очередь за нами исполнить нашъ долгъ и помощью мирной и культурной *выручить осажденный передовой постъ русскаго племени.*

„Мы еще не опоздали, но давно пора..."

---

[1]) Слова русскаго князя подъ стѣнами стараго галицкаго Перемышля (проф. И. П. Филевичъ).

1. „Народный Совѣтъ“ въ отвѣтъ на оффиціальныя установленія и инсинуаціи.

„Gazet-ой Lwowsk-ой“, оффиціальнымъ органомъ львов ской губерніи, напечатана въ н-рѣ 91 сего 1912 года руководящая статья, провозглашающая цѣли и намѣренія областнаго правительства по отношенію къ русскому населенію Галичины. Полемизируя съ гр. В. А. Бобринскимъ, помѣстившимъ въ лондонской газетѣ „Times“ статью о преслѣдованіи русской національности и православія въ Галичинѣ, „Gazeta Lwowska“ выставила тезисы, имѣющіе служить руководствомъ для государственной политики по отношенію къ Галицкой Руси, съ которыми, однако, русское населеніе Галичины никакъ согласиться не можетъ.

„Народный Совѣтъ“, какъ верховное представительство той части галицко-русскаго населенія, которая исповѣдуетъ историческія русскія начала и остается вѣрной русской національности, считаетъ своимъ долгомъ противъ утвержденій оффиціальнаго органа возразить слѣдующее:

I. Первый тезисъ сказанной статьи гласитъ: „край, называющійся Галичиной и принадлежащій Австріи, принадлежалъ прежде Польшѣ, а не Россіи“. Этого никто изъ галицкихъ русскихъ не отрицаетъ; вѣдь историческою правдою является, что въ 1772 г. Австрія отняла Галичину не у Россіи, а у Польши. Но, съ другой стороны, оффиціальный органъ позабылъ, что императрица Марія Тереза при первомъ раздѣлѣ Польши заняла Галичину титуломъ правъ на русскую, а не польскую землю. Тогдашнее австрійское правительство изложило свои права на Галичину публично въ историческомъ сочиненіи, напечатанномъ въ Вѣнѣ въ 1772 г. на польскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Wywód poprzedzający praw korony węgierskiey do Rusi Czerwoney y do Podola. Wiedeń 1772“, на нѣмецкомъ же языкѣ подъ заглавіемъ: „Vorläufige Ausführung der Rechte des Königreichs Ungarn auf Klein oder Roth Reussen und Podolien. Wien 1772“.

Австрійское правительство обосновывало права императрицы Маріи Терезы на Галичину и Владимирію слѣдующимъ образомъ: Начиная съ одиннадцатаго и двѣннадцатаго вѣковъ, и еще раньше, владѣли законно венгерскіе ко-

роли Малой и Червонной Русью, въ частности Галиціей и Владимиріей. Въ продолженіе многихъ лѣтъ они носили титулъ и гербъ этихъ двухъ краевъ. На основаніи конвенціи отъ 1375 г. съ королемъ Казиміромъ, признанной польскою Рѣчью Посполитой, досталось русское королевство (das Königreich Reussen) по смерти Казиміра венгерскому королю Людовику Первому совершенно справедливо. Старшая дочь Людовика венгерскаго и его наслѣдница на венгерскомъ престолѣ, Марія, владѣла Русью спокойно, но ея младшая сестра Ядвига, ставъ королевой Польши, отняла у нея несправедливымъ образомъ, силой оружія, эти земли. Хотя эти земли на основаніи договора отъ 1420 г. остались Польшѣ, но споръ изъ-за нихъ не былъ окончательно рѣшенъ и Венгрія сохранила за собой права на нихъ. Внутреннія волненія, войны и другія препятствія мѣшали долгое время дать силу этимъ правамъ. На томъ основаніи императрица Марія Тереза, коронуясь въ 1741 г. королевой Венгріи, приняла также титулъ королевы Галиціи и Владимиріи; также въ торжественныхъ случаяхъ носились передъ ней, какъ и передъ ея предшественниками, знамена обоихъ королевствъ — какъ свидѣтельство, что права на Галицію и Владимирію не потеряли законной силы. Въ 1769 г. она гербы этихъ королевствъ помѣстила на своей печати, но вступленіе во владѣніе этими земляли осталось пока неосуществленнымъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что Австрія заняла Галичину не какъ польскій, а какъ русскій (russisches) край, и притязанія поляковъ на какое либо верховодство надъ русскими въ Галичинѣ не имѣютъ законнаго основанія.

II. Вторымъ тезисомъ въ Gazet-ѣ Lwowsk-ой есть: „что въ Галичинѣ рядомъ и посреди поляковъ живетъ 3 милліона русскаго (ruskiego) народа, который отличается отъ „россійской“ національности какъ языкомъ, такъ и вѣроисповѣданіемъ“.

Касательно названій: „русскій, рускій, россійскій“ отсылаемъ органъ губерніи хотя бы только въ „Słownik języka polskiego“, изъ котораго можно узнать, что эти слова тожественны и обозначаютъ одинъ и тотъ-же народъ. Правительство Австріи заявило свои притязанія на нынѣшнюю Галичину, какъ на Roth- или Klein-Reussen, нѣмецкое же слово Reussen тожественно съ нынѣшнимъ „Russen“; въ 18-мъ вѣкѣ нѣмцы Россію называли Reussen. Что касается названій „россійскій“, „Россія“, то они возникли первоначально у

насъ, въ Малой Руси, и писатели называли населеніе галицкой, холмской, волынской, подольской и кіевской Русей „россіянами“. Свидѣтельство этому даютъ церковныя книги и литературныя произведенія Червонной Руси 17-го и 18-го вѣковъ.

Львовскій епископъ Левъ Шептицкій въ докладной запискѣ отъ 5 августа 1773 г. называетъ русскихъ жителей Галичины „gens Russorum, seu Ruthena“, въ правительственныхъ актахъ 1784 — 1808 гг. русскій преподават. языкъ въ львов. университетѣ называется „russische Sprache, lingua russica“: въ надворномъ декретѣ отъ 11 сентября 1806 года говорится: „Seine Majestaet haben laut höchsten Decretes... eine eigene Metropolie für die Russen gr. kath. Ritus in Galizien... in Lemberg zu errichten geruhet“ (Его Величество изволили: особую митрополію для русскихъ гр. кат. обряда въ Галичинѣ въ Львовѣ учредить). Если по мнѣнію „Gaz. Lwow.“ въ Галичинѣ сегодня русскихъ (Russen) нѣтъ, то что съ ними сталось? Какъ могъ вдругъ исчезнуть трехъ - милліонный народъ и вмѣсто него появиться другой? Еще въ 1848 г., когда нѣмцы въ Вѣнѣ стали шутить по поводу изобрѣтенія гр. Стадіоновъ рутеновъ, Спиридонъ Литвиновичъ (позже митрополитъ) издалъ на нѣмецкомъ языкѣ воззваніе подъ заглавіемъ: „Deutsche Brüder!“ (Братья нѣмцы!), въ которомъ нѣмцамъ объясняетъ, что названія „Russen“ и „Ruthenen“ обозначаютъ одинъ и тотъ же народъ, что отношеніе русскихъ галичанъ къ великоруссамъ такое же, какъ нѣмцевъ Шлезвига или Лифляндіи къ нѣмцамъ, собственно, въ Германіи.

III. Третій тезисъ „Gaz. Lwow.“ гласитъ, что „языкъ галицко - русскаго народа, хотя родственный россійскому языку, различается, однако, отъ послѣдняго до того, что тѣ же „русины“ въ Галичинѣ, которые желаютъ научиться „россійскому“ языку, принуждены выписывать учителей изъ Россіи...“ Притомъ высказывается газетой странное мнѣніе, будто литературному, грамматическому языку не нужно учиться! У всѣхъ культурныхъ народовъ есть книжный, исторически выработанный языкъ и простонародныя нарѣчія. Книжному языку учатъ въ школѣ, и даже въ польскихъ школахъ заставляютъ молодежь правильно, грамматически писать и говорить. Если такъ дѣлаютъ другіе, если всѣ народы обучаютъ въ школахъ свою молодежь литературному языку, что же въ томъ удивительнаго или даже предосудительнаго, что и русскіе галичане, не имѣющіе возможности

добиться науки русскаго литературнаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ, стараются удовлетворить этой культурной необходимости такимъ образомъ, что для пополненія науки своего книжнаго языка — поскольку недостаетъ своихъ собственныхъ силъ — выписываютъ частнымъ образомъ преподавателей изъ-за-границы.

Это, указанное оффиціальной газетой обстоятельство, можетъ развѣ служить доказательствомъ того, что русскіе галичане находятся въ исключительныхъ, крайне ненормальныхъ отношеніяхъ, не позволяющихъ имъ развивать свою культуру нормальнымъ, естественнымъ образомъ.

IV. Въ четвертомъ тезисѣ говорится, „что русское населеніе Галичины сохранило свой древній восточный обрядъ, но принадлежитъ къ католической церкви и имѣетъ свою церковную католическую іерархію, признающую главою своимъ Папу въ Римѣ". Этого никто отрицать не будетъ, но не надо отрицать и того, что въ послѣднее время появляется среди одной части русскаго населенія Галичины влеченіе къ православію, причинъ котораго ближе тутъ касаться не будемъ. Каждый объективно смотрящій не долженъ закрывать глаза на эти явленія, какъ равно же не можетъ отрицать факта, что именно обнаруживающіе желаніе присоединиться къ православію подвергаются гоненіямъ и преслѣдованіямъ.

V. Въ пятомъ тезисѣ говорится, что всякія попытки склонять русское населеніе Галичины къ перемѣнѣ своей русской національности на „російскую" и католической вѣры на православіе имѣютъ свой источникъ исключительно въ агитаціи, занесенной въ Галичину изъ Россіи и пособляемой деньгами, собираемыми и посылаемыми изъ Россіи... Такое мнѣніе совершенно несходно съ исторической истиной. Какъ было выше указано, въ червонно-русской литературѣ съ 15-го до начала 19-го вѣка русское населеніе Прикарпатья было называемо „россіянами", теперь оно себя называетъ „русскими", и ни въ литературѣ, ни въ обиходномъ языкѣ оно не называетъ себя россійскимъ. Старая греческая форма „россійскій" вышла изъ употребленія; и въ Россіи народъ не называетъ себя „россійскимъ", а „русскимъ".

Начало историческому русскому литературному языку дала именно наша Галицкая Русь. Школа Ставропигійскаго братства во Львовѣ издала въ 1591 г. „Аделфотесъ Грамматика доброглаголиваго еллино-словенскаго языка. Совершеннаго искусства осми частей слова. Ко наказанію многоиме-

нитому Россійскому народу. Во Львовѣ. Въ друкарнѣ братской. Року 1591". Въ львовской школѣ учился Петръ Могила, митрополитъ Кіевскій, учредившій въ Кіевѣ такъ наз. Кіево-могилянскую коллегію, первыми учителями которой были воспитанники львовской братской школы. Изъ Кіево-могилянской коллегіи вышли первые учителя Москвы, привившіе въ сѣверной Руси начала высшаго образованія. Они въ Москву принесли книжный языкъ, выработанный червонно- и малороссами съ правописаніемъ, примѣненнымъ къ малорусской фонетикѣ, отчего великороссы нынѣ иначе пишутъ, а иначе произносятъ слова. Такъ „россійщина" автора занесена не изъ Москвы во Львовъ, а обратно: изъ Львова черезъ Кіевъ въ Москву.

Стремленіе къ перемѣнѣ вѣроисповѣданія, проявляющееся среди русскаго населенія въ Галичинѣ въ послѣднее время, не свидѣтельствуетъ объ искусственномъ насажденіи православія извнѣ и то посредствомъ звонкаго „рубля", а свидѣтельствуетъ о чемъ то совершенно другомъ. Нѣтъ въ исторіи примѣра, чтобы русскій народъ когда нибудь былъ въ состояніи продать свою вѣру за звонкую мамону. Море своей крови русскій народъ пролилъ за свою вѣру, но никогда ее не продалъ, никогда ей доброхотно не измѣнилъ. Нынѣшнее явленіе отступничества среди галицко-русскаго крестьянства является, прежде всего, послѣдствіемъ полной дезорганизаціи нашей греко-католической церкви, внесенной въ послѣдніе годы іезуито-латинизаторской политикой церковной іерархіи, что было уже установлено въ открытомъ письмѣ председателя „Народнаго Совѣта".

VI. Въ шестомъ, седьмомъ и восьмомъ тезисахъ авторъ утверждаетъ, что мнимая руссофильская пропаганда не находитъ сочувствія у большинства русскаго населенія Галичины, доказательствомъ чего служитъ фактъ, что на послѣднихъ парламентскихъ выборахъ противная сторона избрала 24 депутата, пособляемая же „россійской агитаціей" только двухъ.

Отвѣчать на такіе циническіе аргументы оффиціальнаго органа не стоитъ. Причина столь ничтожнаго количества русскихъ депутатовъ не лежитъ въ слабости русской организаціи, которая собрала на послѣднихъ парламентскихъ выборахъ для своихъ кандидатовъ 164 тысячи голосовъ, и фактически втрое больше депутатовъ избрала, — но въ извѣстныхъ на весь міръ галицкихъ избирательныхъ практикахъ и является исключительно плодомъ враждебной русскому народу галицкой администраціи.

Наконецъ, находимъ въ заключенiи этой статьи Gazet-ы Lwowsk-ой угрозу, что „административныя и судебныя власти“ не могутъ равнодушно смотрѣть на агитацiю, занесенную извнѣ и склоняющую русское населенiе къ перемѣнѣ нацiональности и религiи „rusko-католической“, послѣдствiемъ чего было бы тяготѣнiе этого населенiя къ россiйскому государству, что, однако, дѣйствiя административныхъ властей въ этомъ направленiи вращаются какъ бы въ строго законныхъ границахъ и противодѣйствуютъ „россiйской“ пропагандѣ настолько, насколько эта пропаганда и ея агенты преступаютъ дѣйствующiе законы и прибѣгаютъ къ незаконнымъ средствамъ, имѣющимъ нерѣдко признаки государственной измѣны, и стоящимъ въ связи съ военнымъ и политическимъ шпiонствомъ.

Противъ этихъ неслыханныхъ оскорбительныхъ выраженiй оффицiальнаго органа по адресу русской народной организацiи „Народный Совѣтъ“ считаетъ долгомъ вынести отъ имени цѣлаго русскаго народа рѣшительный протестъ. Русскiй народъ далъ многiя доказательства своей вѣрности Государю и династiи и не было никогда примѣра, чтобы онъ когда нибудь измѣнилъ своему долгу. Не имѣется ни малѣйшихъ данныхъ, могущихъ засвидѣтельствовать о томъ, что русская народная организацiя когда нибудь и въ чемъ нибудь оказалась въ этомъ отношенiи неблагонадежной. Утвержденiя Gazet-ы Lwowsk-ой клеймимъ какъ злобный вымыселъ, взятый съ воздуха, не имѣющiй ни малѣйшаго положительнаго основанiя. Такой способъ борьбы, къ которому прибѣгаетъ „Gazeta Lwowska“ по отношенiю къ русскому населенiю края, исповѣдующему нацiональное единство русскаго народа, „Народный Совѣтъ“ осуждаетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ и клеймитъ его недостойнымъ не только оффицiальнаго органа, но вообще каждой уважающей себя газеты, держащей высоко знамя публицистической части“ („Прикарпатская Русь“. 1912. № 771).

2. Оборона или наступленiе.

Какъ бы ни маскировали время отъ времени нѣкоторые польскiе политики польскую мораль, она въ концѣ-концовъ становится ясною и понятною, и съ такой, именно, теперь надо намъ считаться. Если въ державныхъ представительствахъ они пока что лукавятъ, то въ прессѣ и у себя дома выразительно говорятъ, что, кромѣ польской нац. мысли, нѣтъ иной мысли, кромѣ польской морали нѣтъ на всемъ

земномъ шарѣ иной морали для поляковъ. Между прочимъ поляковъ шпіоновъ и экспропріаторовъ они не судятъ и не осуждаютъ, ибо дѣлъ ихъ не признаютъ злодѣйскими, такъ какъ, молъ, они занимаются этимъ для заработка, торгуя не своимъ государствомъ, а чуждыми имъ, вражескими. Не только говорятъ, но они теперь воспитываютъ себя такъ, какъ этого требуетъ ихъ политическій интересъ. Церковь, школа, присутствія, автономныя учрежденія и военныя вѣдомства существуетъ для нихъ постольку, поскольку могутъ помогать ихъ мысли „народовой" и интересу ожидаемаго ими государства.

Итакъ, воспитанный ими польскій демосъ вѣритъ въ какое то явленіе Пречистой Дѣвы, при коронаціи ея въ королевы Польши, а также въ предсказанія какихъ то тамъ вѣщуновъ, что, именно, въ этомъ и этомъ году, на развалинахъ Русскаго государства воскреснетъ Польша. Такъ, Пречистая Дѣва у нихъ не для спасенія души, а для возрожденія Польши. И святой крестъ имъ указываетъ дорогу не въ царство небесное, а только въ царство польское, потому они и пишутъ такъ свои иконы, подписывая „Польша на крестѣ въ терновомъ вѣнкѣ". Но не только чернь, а всѣ, рѣшительно всѣ польскія сословія, говорятъ уже откровенно о томъ, что папа римскій и вообще Ватиканъ обѣщалъ имъ помочь въ удобное время, и прямо приказалъ латинизировать и полонизировать Прикарпатскую Русь для операціонной базы противъ Россіи.

Питаясь такими мыслями и моралью, они фанатизовали себя уже до бѣшенства. А такихъ нельзя ни уговорить, ни убѣдить уже ничѣмъ. Не убѣдишь ихъ въ лживости ихъ исторіи, ни въ аморальности ихъ мысли. Русь въ Галичинѣ истребляютъ они всѣми жестокими способами и притомъ убѣждаютъ себя и другихъ, что въ Галичинѣ нѣтъ де русскаго народа, а только де украинскій „lud", который русскіе ирредентисты хотятъ оттянуть отъ Польши.

Какой же на это отвѣтъ съ русской стороны?—Только оборонительное положеніе!

Кажется, постыдная роль! Обнаглѣвшій врагъ дѣлитъ насъ, кусаетъ, пожираетъ, убиваетъ, гонитъ изъ родной земли (Гломбинскій съ экспропріаціей русской земли въ Галичинѣ), вяжется съ врагами цѣлаго свѣта и грозитъ стереть насъ съ лица земли, пріостанавливаетъ нашу жизнь и анексируетъ наше имя, а мы — какъ школьники — съ кипой бумагъ — историческихъ документовъ подъ мышкой стоимъ

передъ нимъ и силимся убѣдить его, что мы русскіе, что намъ уже тысячу лѣтъ присудилъ Богъ жить и носить имя русское...

Стомилліонному народу съ тысячелѣтнею исторіей, — малый народъ указъ ли, какое онъ долженъ носить имя, гдѣ ему жить и какъ ему дышать? Нѣтъ, только намъ надо познать себя, познать свою силу, стоимость и культуру. Какъ долго мы будемъ держать себя въ оборонительномъ положеніи, нашему имени и жизни будутъ въ концѣ и дикіе самоѣды угрожать истребленіемъ, но ихъ, дикихъ намъ не убѣдить, разъ мы до сихъ поръ не успѣли убѣдить поляковъ. Намъ надо перемѣнить тактику, намъ надо наступать на врага, если хотимъ быть народомъ-господиномъ на родной землѣ и если хотимъ заставить его уважать наши права.

Такого врага только силою убѣдишь, но никакъ не моралью, ни научными аргументами. Намъ надо перенять отъ врага его наступательные пріемы, ибо исторія учитъ, что врага лучше всего можно побѣдить только его собственнымъ оружіемъ.

Чего намъ ждать?

Врагъ дѣлитъ насъ, русскихъ, пора воздать ему тѣмъже; вѣдь въ Привислинскомъ краѣ живетъ не польскій народъ, а варшавяки, куявскіе мазуры и т. п., которыхъ галицко-польскіе ирредентисты хотятъ отторгнуть отъ Россіи. Врагъ поглощаетъ насъ (латинизація и полонизація въ Галичинѣ и Холмщинѣ), томитъ насъ невинно въ тюрьмахъ, лишаетъ насъ земли и выгоняетъ изъ родной страны, пусть и русскій народъ сдѣлаетъ съ нимъ то же; погибнетъ въ Прикарпатьи четырехмилліонный русскій народъ, пусть погибнетъ въ Привислинскомъ краѣ восемь милліоновъ варшавяковъ, мазуровъ и др..

Существуетъ польская мораль по отношенію къ русскому народу, да будетъ такая же мораль у русскихъ въ отношеніяхъ ихъ къ полякамъ. Начнется борьба на всей линіи, можетъ придти и къ прочному миру, а съ трусостью и добродушіемъ мы зайдемъ туда, куда мы вовсе не желали бы („Прикарпатская Русь“. 1912. № 771).

ТОГО-ЖЕ АВТОРА

(отдѣльныя изданія и оттиски):

Договорныя рѣки. Казань. 1895. 2 тома.
Всеобщіе административные союзы государствъ. Одесса. 1897. 3 тома.
Учебникъ международнаго права. Одесса. 1904. 2 изд.
Введеніе въ курсъ международнаго права. Одесса. 1901.
Переводъ Учебника международнаго права проф. Ривье. Москва. 1893.
Институтъ международнаго права. Казань. 1893.
Ученіе о международной администраціи. Одесса. 1901.
Опытъ договорной теоріи права народовъ. Спб. 1903.
Избирательныя права гражданъ. Одесса. 1910.
Верховныя права русскаго Императора. Одесса. 1912.
Государственная Дума по дѣйствующимъ законамъ. Спб. 1906.
Выборы въ Государственную Думу. Спб. 1906.
Народность и государство. Одесса. 1912.
Право и нравственность, какъ явленія всемірной культуры. Спб. 1902.
Народно-освободительные идеалы Пушкина. Спб. 1899.
Къ вопросу о преподаваніи на юридическихъ факультетахъ. Одесса. 1901.
Вопросъ о преподаваніи права въ русской печати въ 1901 г. Одесса. 1903.
Возрожденіе изученія права въ русскихъ университетахъ. Одесса. 1903.
Отвѣтъ проф. Л. Петражицкому о преподаваніи на юридическихъ факультетахъ. Спб. 1901.
Славянскій съѣздъ въ Софіи. (*Отчетъ представителя И. Н. У.*). Одесса. 1910.
П. Х. Палаузовъ. (Библіографическая замѣтка). Спб. 1899.
Моему критику, заслуженному професору М. У. графу Л. А. Комаровскому. Одесса. 1903.
Отзывъ о диссертаціи проф. Н. Н. Голубева: Международныя административныя коммиссіи XIX в. Ярославль. 1908. (*По порученію Юридическаго Факультета И. Н. У.*). О. 1909.
Мнѣніе о диссертаціи А. Г. Тимофѣева. Одесса. 1905.
Дѣло прив.-доц. А. Г. Тимофѣева (*По порученію Правленія И. Н. У.*). Одесса. 1908.
Дѣло прив.-доц. А. Г. Тимофѣева. Дополненіе. (*По порученію Совѣта И. Н. У.*) Одесса. 1910.

Мнѣніе о сочиненіяхъ на тему о международныхъ рѣкахъ. Казань. 1894.
Мнѣніе о сочиненіяхъ, представленныхъ на соисканіе академическихъ наградъ. Одесса. 1897.
Мнѣніе о сочиненіяхъ, представленныхъ на соисканіе академическихъ наградъ. Одесса. 1903.
Совѣщаніе профессоровъ въ декабрѣ 1910 г. Одесса. 1911.
Краткій отчетъ о заграничной командировкѣ въ 1895—6 г. Казань. 1896.
Отчетъ о состояніи и дѣятельности И. Н. У. за 1903 г. *(По порученію Совѣта И. Н. У.)*. Одесса. 1904.
Коммиссія, организованная Юридическимъ Факультетомъ Имп. Нов. Унив. 12 дек. 1907 г. Одесса. 1908.
Международная геодезическая ассоціація. Спб. 1901.
Всемірный каталогъ и международный библіографическій союзъ *(Докладъ въ Московскомъ Юридическомъ Обществѣ)*. Спб. 1897.
Международный противопевольничій союзъ. Одесса. 1897.
Международный союзъ для измѣренія земли. Одесса. 1897.
Всемірный телеграфный союзъ. Одесса. 1897.
Международный союзъ мѣръ и вѣсовъ. Одесса. 1897.
Всемірный почтовый союзъ. Одесса. 1897.
Международный союзъ для охраны промышленной собственности. Одесса. 1897.
Международный союзъ для охраны литературно-артистической собственности. Одесса. 1897.
Международный союзъ для печатанія таможенныхъ тарифовъ. Одесса. 1897.
Международный союзъ желѣзнодорожныхъ товарныхъ сношеній. Одесса. 1897.
Международный союзъ книговѣдѣнія. Одесса. 1897.
Будущее всеобщихъ административныхъ союзовъ. Одесса. 1897.
Corpus juris gentium. Одесса. 1897.
Völkerrechtliche Literatur und Staatsverträge Russlands von 1897 u. 1899—1902. Berlin. 1899. u. 1903.
A. Pillet, Principes de droit international privé. Paris. 1903. Петербургъ. 1904.
L'Extradition en Russie. Paris. 1902.
Les premiers éléments de l'organisation universelle. Bruxelles. 1897.
Die Allgemeinen Administrativen Staatenvereine. Berlin. 1903.
Internationales Bureau für die Veröffentlichung der Zolltarife. Berlin. 1897.
Théorie de l'administration internationale. Paris. 1902.
Essai de la théorie conventionelle du droit des gens. Paris. 1903.
Principes généraux de droit international privé. Paris. 1910.
Code russe des lois de la guerre maritime. Paris. 1904.
La Réforme de l'Enseignement de droit en Russie. Paris. 1905.

